

Предисловие к первому изданию

У книги, которую вы держите в руках, непростая судьба. Рукопись, над которой Анатолий Владимирович Тарасов работал в последние годы жизни, была закончена в начале девяностых, но ей не суждено было увидеть свет при жизни автора. В переводе книга вышла в США осенью 1995-го уже после его смерти, а российские специалисты и любители хоккея знакомятся с итоговым трудом «отца русского хоккея» с опозданием в двадцать лет... У нас действительно долго запрягают, увы!

Я хочу выразить огромную признательность всем тем, благодаря кому, последняя книга моего деда увидела свет, не смотря на многие, присущие нашему времени и месту трудности:

моей бабушке Нине Григорьевне Тарасовой
и моей маме Галине Анатольевне Тарасовой,
за то, что сохранили рукопись и архив А. В. Тарасова;

Лу Вайро, за дружбу,
за американский вариант рукописи и поддержку;

Юрию и Светлане Кармановым за поддержку
и помощь в выборе издателя;

Юрию Васильевичу Королёву за поддержку,
ценные воспоминания и комментарий к изданию;

Континентальной Хоккейной Лиге
и лично Александру Ивановичу Медведеву
за поддержку и помощь в издании книги;

Федерации Хоккея России
и лично Владиславу Александровичу Третьяку
за поддержку и помощь в издании книги;

Евгению Александровичу Майорову,
Борису Петровичу Михайлову
и Николаю Николаевичу Урюпину за память;

Татьяне Тарасовой, Алёне Тарасовой
и Андрею Никитину за помощь и поддержку;

Валерию Агронскому за работу над книгой;

Издательству ЭКСМО и лично Сергею Черкасову,
Екатерине Ивановой и Анне Соседовой.

Алексей Тарасов,
внук А.В. Тарасова

Аэрофлот глубоко чтит память Анатолия Тарасова и делает все, чтобы увековечить ее. А потому приветствует новое издание этой книги, прекрасного подарка для всех нас к 100-летию со дня рождения легендарного тренера и спортсмена.

Это не просто мемуары. Здесь — исповедь великого человека, который сделал нашу страну настоящей хоккейной державой, заставил весь мир еще сильнее уважать ее и научил нас еще сильнее гордиться победами Родины. Научил не останавливаться на достигнутом, не пасовать перед трудностями, а постоянно идти вперед, стремиться к новым высотам.

Теми же принципами на протяжении всей своей 95-летней истории руководствуется ведущая российская авиакомпания. Анатолий Владимирович — отличный пример стойкости, целеустремленности, умения побеждать в любых обстоятельствах, находить и воспитывать молодые таланты. Пример, достойный для любого спортсмена, человека, компании.

Аэрофлот поддерживает продолжателей его дела — Всероссийский Клуб юных хоккеистов «Золотая шайба» имени А. В. Тарасова.

Анатолий Тарасов был по-настоящему окрыленным человеком. И сегодня его имя носит один из наших самолетов.

Его наследие ярко присутствует в деятельности нашей авиакомпании. Общественный совет Аэрофлота возглавляет Татьяна Анатольевна Тарасова — тренер, которая сделала для нашего фигурного катания не меньше, чем ее отец для отечественного хоккея. А сегодня она вносит вклад в дело развития национального перевозчика на благо всех россиян.

Анатолий Тарасов считал счастьем долгие годы работать с одной командой, высоко ценил командный дух. Эти слова звучат как заповедь, которая важна не только в мире большого спорта. Под ними может подписаться вся наша единая многотысячная команда, имя которой — Аэрофлот.

ПАО «АЭРОФЛОТ»

ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КОРОЛЕВ

КРАТКОЕ ДОСЬЕ

Соратник Анатолия Тарасова, они работали вместе с 1962 года.

Руководитель КНГ (Комплексной научной группы) при хоккейной сборной СССР в период 1962–1992 г.г.

Заведующий кафедры хоккея ГЦОЛИФКа 1974–1983 г.г.

Участие в создании и в работе ВШТ (Высшая школа тренеров) 1976–1983 г.г.

Руководитель лаборатории хоккея во ВНИИФКе 1974–1983 г.г.

Государственный тренер СССР по хоккею 1983–1992 г.г.

Председатель тренерского комитета ИИХФ, член Исполкома ИИХФ 1990–1998 г.г.

Вице-президент Федерации хоккея России 1992–2002 г.г.

В настоящее время – консультант Федерации хоккея России.

О САМОЙ КНИГЕ

Задаю себе вопрос: что это за книга? К какой категории ее отнести? Для чего она вышла в свет? И для кого написал ее Анатолий Владимирович Тарасов?

Книга настолько необычна по содержанию и по исходной своей задаче, что ответить на эти, в общем-то, обычные и не слишком сложные вопросы оказывается делом не из простых.

Давайте разберемся.

Это не пособие по хоккею, где можно найти ответы на специфические вопросы хоккея.

Это не мемуары мэтра тренерского корпуса, где досконально, год за годом, описываются биография и карьера.

Это не подробное, с любопытными и никогда не печатавшимися подробностями описание ледовых сражений.

Это не перечень категорических выводов специалиста, в общем-то, имеющего право на безапелляционные суждения...

Так что же это за книга?

Настольная книга.

Для действующего тренера, для будущего тренера, для думающего поклонника этого увлекательного и сложного вида спорта.

«Хоккей. Родона начальники и новички». Это творческое наследие Тарасова, которое Анатолий Владимирович собственноручно написал для нас с вами.

ПУТЬ КНИГИ

Книги Анатолия Тарасова, а их написано немало, выходили большими тиражами и имели заслуженный успех: известнейший тренер, тренер-победитель, тренер — воспитатель звезд... Издательства без колебаний включали в свои годовые планы каждую новую книгу Тарасова. И он никогда не разочаровывал ни редакторов, ни читателей.

Однако с развалом Советского Союза наступили непростые времена и в книжной сфере. Коммерция стала диктовать моду. На первый план вышел детектив... Анатолий Владимирович, будучи уже в годах и имея проблемы со здоровьем, проявил невероятную волю — принялся за написание этой книги, когда ее появление было весьма проблематичным. Она была очень важна для него и, как Анатолий Владимирович искренне считал, важна для хоккея — прежде всего отечественного. Я допускаю, что он недооценивал трудности ее издания. Зная его неукротимый нрав, зная его непритупляющуюся с годами увлеченность тренерской профессией, я не удивлен тем, что он справился с архисложной задачей, да еще на фоне кризиса в книжной сфере.

«Родона начальники и ученики» — таково было первоначальное название — так и не были напечатаны в России в 90-е годы. Книга оставалась в рукописном варианте, пролежав около пяти лет...

Тарасов, увы, так и не увидел свое детище в руках соотечественников.

На помощь пришел американец итальянского происхождения, известный тренер Лу Вайро — почитатель Анатолия Владимировича, горячий поклонник профессиональных методов Тарасова. Книга была издана в Северной Америке.

А на родине выдающегося тренера она много лет не появлялась. И мне казалось, что перспективы даже не просматриваются...

О планах издательства «Эксмо» напечатать многострадальную рукопись я узнал от внука Тарасова — Алексея, с которым поддерживаем отношения после ухода из жизни его деда. Он взял на себя ответственность сохранить тарасовское наследие и по возможности популяризировать его труды. Алексей Игоревич долго пытался решить проблему с напечатанием этой книги в России, руки не опускал и действовал, пока, наконец, не нашел понимания и заинтересованности у одного из крупнейших российских издательств.

Остается поблагодарить «Эксмо» за осуществление благородной миссии, а также Федерацию хоккея России в лице Владислава Александровича Третьяка, воспитанника Тарасова; Континентальную хоккейную лигу, хоккейный клуб ЦСКА — за содействие в реализации данного проекта.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Подумать только: двадцать с лишним лет вынашивал мысль написать книгу о том, как складывались наши отношения с канадскими спортсменами — родоначальниками хоккея. Да все не решался приступить к работе. Понимал: не хватает мне глубоких знаний о североамериканских хоккейных профессионалах. А тренеру, как и режиссеру-постановщику, мало просто посмотреть спектакли конкурента. Важно почувствовать актеров, постичь дух театра, познать его изнутри. Не мог же я для создания книги воспользоваться тем, о чем только слышал или читал. Чужими конспектами, пусть даже добротными, никогда в течение долгой тренерской жизни не пользовался. Так был приучен своим первым в спорте наставником — замечательным тренером и педагогом Михаилом Давидовичем Товаровским.

Но в народе говорят: «Не было бы счастья, да несчастье помогло!» Так случилось и со мной. В течение одного лишь года я трижды посетил Канаду. Весной 1987-го был там как консультант профессиональной команды «Ванкувер Кэнакс». Через три с половиной месяца в городе Ванкувере мне сделали операцию бедра. Еще через сто дней я вновь побывал там — надо было расчитаться за операцию, а попутно высказать свое мнение об учебно-тренировочном процессе и принципах комплектования команды в предсезонный период. Во время этих поездок у меня оказалось достаточно времени, чтобы ближе узнать тренеров и профессиональных спортсменов, увидеть их нелегкий труд вблизи, со многими из них поговорить по-хорошему, творчески поспорить. Мне удалось наблюдать много матчей с участием профессиональных команд, в том числе пять из семи финальных встреч на Кубок Стэнли 1987 года между командами «Эдмонтон Ойлерс» и «Филадельфия Флайерс».

И теперь, на склоне лет, полагаю, у меня появилось, наконец, моральное право написать книгу о нашем и канадском хоккее.

Размышляя о том, как ее построить, пришел к выводу, что не следует делить книгу надвое: это вот о канадском хоккее, а это — о советском. Главное для меня в этой книге — высветить проблемы хоккея, поднять острые вопросы и без уверток и дипломатии на них ответить, используя для этого наблюдения, почерпнутые как в нашем хоккее, так и в канадском. И пусть читатель сам решает, где лучше хоккей, мудрее — у нас или за океаном.

Книга, повторяю, посвящена взаимоотношениям наших хоккеистов и канадцев. Но пусть никто не подумает, что я принижаю в развитии теории и практики игры роль европейских стран, таких богатых традициями хоккейных школ, что сложились в Чехословакии, Швеции, Финляндии, ФРГ, ГДР, Польше. Или будто я вдруг позабыл о том, что в хоккей играют в Китае, Японии, Корее и многих других странах. Ничего подобного! Просто интересную и сложную тему взаимодействия и взаимовлияния разных хоккейных школ мне сегодня поднять, пожалуй, не по силам. Оставляю ее другим тренерам, специалистам и спортивным историкам. Что же касается наших взаимоотношений с канадцами, то они складывались у меня на глазах.

Матчи советских хоккеистов с профессионалами НХЛ в рамках различных турниров и «тет-а-тет» всегда вызывают энтузиазм спортивных журналистов по обе стороны океана, они придумывают для таких встреч броские эпитеты, например, «битва за хоккейный трон», «матчи века». И пусть в этих чуть выпретенных словосочетаниях несомненна доля преувеличения, но есть в них, по правде говоря, и толика истины.

Конечно, счастливчик тот зритель, кому повезло присутствовать на таких встречах. Он и миллионы его собратьев, сидящих у телевизоров, не только болельщики «своей» команды. Главное их желание — увидеть хоккей самого высокого уровня. Именно он столь любим ими, так притягателен. И вполне естественно, что у болельщика, у зрителя возникает масса самых разных вопросов, далеко не праздных и не простых. Они хотели бы постичь тактические мотивы команд, понять внутреннюю логику их игры, источник

накала спортивной борьбы, столь отличной от всего того, что мы видим в повседневной жизни. Им, этим поклонникам хоккея, хочется узнать, в чем секрет мастерства их кумиров — выдающихся игроков, способных, словно по волшебству, переломить ход поединка, склонить итог матча на сторону своей команды.

Уверен: интересна им и фигура тренера. Они хотели бы увидеть его не только у хоккейного бортика, где он, подобно полководцу, руководит «боевыми действиями» команды, но и узнать, чем, какими соображениями он руководствуется, готовясь к матчу, во время игры, по окончании встречи.

Особо увлеченный любитель игры вряд ли удовлетворится разговором о хоккее сегодняшнем, он не прочь пофантазировать, заглянуть в грядущие годы. Какой быть игре в XXI столетии? Долго ли будет продолжаться упорное противоборство советских и североамериканских хоккеистов? Какой стиль возьмет верх? Какие появятся вратари в хоккее и смогут ли они превзойти Владислава Третьяка? А игра таких спортсменов, как защитник Вячеслав Фетисов, нападающие Владимир Крутов, Уэйн Гретцки, Марио Лемье, — это что, предел возможного? Кто он — хоккеист завтрашнего дня? Игрок-универсал? Или яркий выразитель своего амплуа? А может быть, появятся в хоккее и новые амплуа?

Убежден: ответы на вопросы о будущем невозможны без экскурса в историю игры. В прошлом, кстати, тоже немало загадок. И многих почитателей хоккея, в этом я уверен, жгуче интересуется, как могло случиться, что недавние хоккейные новички — советские спортсмены — так скоро смогли сравняться в игре с непререкаемыми авторитетами и родоначальниками мирового хоккея — канадцами?

Автор книги как раз и намерен помочь любителям хоккея найти ответ на эти и многие другие вопросы. И повести этот поиск на равных. Вместе с вами, дорогие читатели, поразмышлять над различными проблемами хоккея и в споре, в столкновении мнений выявить достоинства и недостатки двух хоккейных школ, поговорить о том, в чем, в каких аспектах игры сильна одна из них, а в каких — другая.

Я не журналист, не писатель — тренер-практик. Ступил на эту стезю в 19 лет, а в 21, совершенно твердо решив, чему посвящу

свою жизнь, получил тренерский аттестат. Профессией своей горжусь, дорожу. Часто слышу, читаю о тренерских секретах в различных видах спорта. В этой книге хотел бы — нет, не коснуться, — а как на селе говорят, «глубоко пропахать» эту тему, серьезно, а порой и полемично поговорить о профессии тренера, отразив при этом не только день сегодняшний, но и заглянув по возможности в завтрашний день. Право на этот серьезный разговор дают мне собственный многолетний опыт, близкое знакомство со многими коллегами практически из всех стран, где играют в хоккей. А также — долгие годы преподавания в институте физкультуры, где я веду тему «Тренер и хоккей», как бы вобравшую в себя итог всей моей жизни.

Вот говорят, матч — это стихия. Считается, что невозможно предсказать, игроки какой из двух противоборствующих команд, равных по силе, через шестьдесят минут хоккейного времени будут ликовать, а кто уйдет со льда с поникшей головой. В плохом, неуправляемом хоккее, возможно, так и есть. Попытаюсь опровергнуть это утверждение и рассказать, как трудом, волей, усердием тренера, помноженными на высокое умение игроков, создается коллектив спортивных единомышленников. Команда, способная умело, всесторонне готовиться к каждому матчу, учитывая не только мощь, но и слабости сильного соперника. Ведь можно, согласитесь, локализовать первое, умело воспользоваться вторым и в итоге — победить. Слышу, однако, возражение. Столь же предусмотрительным может оказаться и соперник. Кто же тогда победит? И на этот вопрос постараюсь дать ответ.

Хочу еще раз предупредить читателя, что вовсе не намерен избегать острых вопросов и проблем хоккейной жизни, а тем более сглаживать их. Для меня главная проблема в хоккее — как с помощью этой в высшей степени динамичной, задорной, боевой и умной игры XX века воспитать в молодых людях многие полезные — не только физические — качества: волевою закалку, нравственный рост. Как сделать так, чтобы увлечение хоккеем стало для юноши прямой дорогой к честности и порядочности, успехам в учении, к активности в общественных делах, к дружбе, товариществу, к умению сочетать личные устремления с интересами коллектива.

И пусть книга получится в чем-то спорной. Автор на всем протяжении своей долгой, не всегда гладкой, но зато счастливой тренерской жизни никогда не искал «тихой заводи». Наоборот, меня всегда влекли рискованные тропы. Никогда не уклонялся я от спора — тем более с сильными оппонентами. И вовсе не опасаясь того, что кто-либо — какое бы место в обществе он ни занимал — окажется не согласен с моими взглядами, мыслями, выводами. Такова диалектика жизни — истина рождается в честном споре на равных. И я буду только благодарен каждому, кто пожелает продолжить этот спор, в той или иной форме высказать свое суждение о книге, об изложенных на ее страницах мыслях и наблюдениях.

Анатолий Тарасов

ГЛАВА I

ИСТОКИ

КАНАДА — РОДИНА ИГРЫ

О хоккее написано много. Если хорошенько проштудировать всевозможные книги и справочники, то можно в них обнаружить и версию о том, что хоккей родился в Англии. Будто там еще в давние-предавние времена, в XVI—XVII веках, на лед замерзших водоемов выходили мужчины с тросточками-клюшками в руках и гоняли по льду какой-то твердый предмет. Сохранились гравюры той поры с изображением спортсменов в нарядных камзолах, с дикинскими шляпами на головах, занятых игрой, которую — при наличии фантазии — можно признать похожей на современный хоккей.

Но все-таки родиной хоккея по праву считают Канаду. Там в 1879 году были приняты и узаконены первые правила игры. Там же начали проводиться соревнования по хоккею.

Новая игра сразу же завоевала множество сторонников своей страстностью, стремительным темпом, обилием острых ситуаций. К концу XIX столетия хоккей быстро распространяется по всей Канаде, становится подлинно национальной игрой. Уже в 1899 году в Монреале был построен первый крытый стадион с искусственным льдом. В это же время хоккей с шайбой пересек океан и начал распространяться в Европе.

В 1908 году была создана Международная лига хоккея. А два года спустя на льду озера Ле-Аван близ швейцарского города Монтрё состоялся первый чемпионат Европы. Он привлек лишь четырех участников — команды Бельгии, Великобритании, Герма-

нии и Швейцарии. Победителем оказалась команда с Британских островов, составленная в основном из обучавшихся в английских университетах студентов из Канады.

Впервые европейские хоккеисты скрестили клюшки с командой из-за океана в 1920 году в Антверпене, где в рамках еще летних Олимпийских игр состоялся турнир с участием представителей Старого Света и Северной Америки. Канадцы без труда заняли первое место, а вторыми были спортсмены США.

Особо знаменательным для хоккея стал год 1924-й — игра была включена в программу первых зимних Олимпийских игр, прошедших в Шамони (Франция). Первым олимпийским чемпионом по хоккею стала команда Канады.

Бурное развитие хоккея во многих странах привело к решению регулярно проводить чемпионаты мира. В 1930 году на катках Шамони, Берлина и Вены прошли матчи первого самостоятельного мирового чемпионата. Интересно, что команда Канады, как заведомо сильнейшая, не принимала участия в турнире 11 команд, а провела лишь один матч — с победителем этого состязания. В решающем поединке гости из-за океана легко взяли верх над командой Германии — 6:1.

По сути дела, у канадских игроков до 1954 года не было конкурентов на мировых хоккейных форумах. На эти престижные соревнования руководители канадского любительского хоккея посылали, как правило, не сборную команду, а один из клубов, причем не всегда лучший. Победа была почти гарантирована.

Случались, правда, и осечки. Так, в 1933 году в Праге канадцы уступили пальму первенства американской сборной. Через два сезона, в 1936 году, на олимпийском турнире в Гармиш-Партенкирхене они вновь пережили тяжелый удар. Победу одержала команда Великобритании. В 1949 году на турнире в Швеции канадцев одолела команда Чехословакии. Однако все это выглядело не более как случайные эпизоды. Канадцы относились к этим редким поражениям снисходительно, делая вид, что они нисколько не задевают их самолюбия и тем более не влияют на престиж. «Родители» хоккея продолжали позволять себе роскошь — посылать на мировые хоккейные ассамблеи далеко не лучших хоккеистов

страны, а то и вовсе пропускать отдельные чемпионаты мира, как это было, например, в 1947, 1953, 1957 годах.

Известно, что боевое знакомство советских игроков с канадским хоккеем состоялось в марте 1954 года на чемпионате мира в Швеции. До этого лишь немногим нашим тренерам доводилось видеть игру заокеанских хоккеистов с трибуны. И вот на Королевском стадионе Стокгольма скрестили клюшки, сошлись лицом к лицу советские и канадские игроки. Мы получили, наконец, возможность помериться силами, сопоставить свои взгляды на игру. И если нашим спортсменам и тренерам победа над «самими канадцами» (!) казалась огромным достижением, переполняла их гордостью, то родоначальники хоккея, проиграв, особой печали, к нашему удивлению, не испытывали. Во всяком случае, в Стокгольмской ратуше, где проходил заключительный прием по случаю завершения чемпионата с участием всех выступавших в турнире национальных команд, никто из канадских хоккейных руководителей не грустил. Они, по-видимому, твердо знали, что в спорте бывают и поражения, и — самое главное — верили, что у них, у канадцев, огромные резервы. Стоит только привести их в дело, и любой соперник будет усмирен.

Да, резервы — и неисчерпаемые! — у канадцев действительно были. Любимый народом хоккей, будто рукой хлебопашца — заботливо, без огрехов — посеянный буквально по всей стране, давал обильные всходы. Из многочисленных детских и юношеских команд во взрослые клубы приходили настоящие мастера, а сильнейшие, лучшие из лучших составляли элиту профессионального хоккея.

В Канаде раньше других поняли, что хоккей — игра с большим будущим. Что как зрелище он может стать сильнейшим магнитом для тысяч и тысяч людей, принося им радость сопереживания спортивной борьбе, а организаторам соревнований — немалые доходы. Так родилась идея создания профессиональных клубов.

В то время, когда в Европе полыхал пожар Первой мировой войны, за океаном, в Канаде, была создана Национальная хоккейная лига, объединяющая клубы профессионалов. Дата ее рождения — 26 ноября 1917 года. Поначалу в НХЛ входили два клуба из Монреаля, по одному из городов Оттавы, Квебека и Торонто. Отметим — только канадские клубы. Первые официальные мат-

чи профессионалов состоялись уже через месяц — 19 декабря 1917 года. Кстати, искусственный лед к тому времени был в Канаде не в диковинку. На нем давно уже играли любители, сражавшиеся за Кубок Стэнли.

В 1993 году этому призу исполнилось сто лет — поистине вековая традиция! Кубок, приз для лучшей хоккейной команды, был учрежден генерал-губернатором Канады лордом Стэнли. В борьбе за эту серебряную вазу до 1906 года участвовали лишь любительские команды, в два последующих года в розыгрыше кубка позволили участвовать и игрокам профессиональных клубов, а с 1908 года он стал разыгрываться только среди профессионалов.

Затем кубок стал разыгрываться для шести лучших профессиональных команд Канады и США, став самым престижным соревнованием за всю историю развития хоккея за океаном. В каждом клубе зритель видел и выдающихся игроков-лидеров, и целые созвездия истинных мастеров. Каждая команда демонстрировала присущие только ей одной тактические принципы, психологические приемы спортивной борьбы. Сражения между собой эти клубы вели на равных, каждый раз подтверждая высокий класс командной и индивидуальной игры.

Конечно, столь узкий круг знаменитых клубов не мог просуществовать слишком долго. Уж больно широк стал интерес к хоккею. Игра эта сделалась близка сердцу каждого канадца. Наряду с футболом, бейсболом и баскетболом росла популярность хоккея и в США. Расширение лиги профессионального хоккея стало неизбежным. Проходило оно в несколько этапов. Поначалу существовали так называемые американская и канадская зоны хоккея, но век их был недолгим. Наконец, в 1979 году была создана лига из 21 клуба¹. Это количество команд сохраняется и по сей день.

Клубы НХЛ проводят игры по многокруговой системе, которая предоставляет возможность каждому хоккеисту до 80 раз в течение сезона дарить свое мастерство зрителю. А затем, под занавес хоккейного карнавала, шестнадцать сильнейших клубов, встречаясь

¹ Количество клубов НХЛ с момента написания книги увеличилось. (Прим. ред.)

друг с другом по системе с выбыванием (сначала до 3², а в финале — до 4 побед), разыгрывают Кубок Стэнли.

Мне довелось видеть эти матчи. Это не просто хоккей, не просто игра, в которой спортсмены стремятся проявить все свое мастерство. Это битва за главный приз — зрительские симпатии, за особый престиж каждого спортсмена и клуба в целом. Не побоюсь сказать, что две недели решающих матчей на Кубок Стэнли — это утверждение всего прекрасного, что способен дарить людям хоккей.

НАЧАЛО ВСЕХ НАЧАЛ

Приказы бывают разные. И дельные, и бестолковые. Одни нам по душе, и мы с охотой их выполняем. К другим относимся с прохладцей, подчиняемся им формально. Развивать канадский — так его называли в ту пору — хоккей мы начали по приказу Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта. Без каких-либо предисловий нам был зачитан приказ, согласно которому с 22 декабря 1946 года стали сразу проводиться матчи чемпионата страны. Никаких методических пособий, кроме нескольких потрепанных брошюр с правилами игры, у нас не было. Вот так, с места в карьер, и начали мы, игроки хоккея с мячом, осваивать новую для нас заморскую игру.

В самозабвении, с каким мы, хоккеисты той поры, относились к тренировкам, нам, смею уверить вас в этом, читатель, ни тогда, ни позже равных, пожалуй, не было. И летом, и осенью на асфальтовых дорожках парка ЦДКА, на теннисных и волейбольных площадках гоняли мы, едва выдавалась свободная минута, нами же изобретенную «шайбу» — пластмассовое кольцо, а то и хоккейный мяч. Выполняли сложные гимнастические и акробатические упражнения, не бегали — носились по парку, не жалея ни времени, ни сил. Посетители с недоумением наблюдали за нами, и, по-моему, многое из того, что мы проделывали, казалось им странным. Да и мы, хоккеисты, толком не знали, на верном ли мы пути, правильно ли тренируемся? Но были твердо уверены в том, что

² В настоящее время все этапы проходят до четырех побед. (*Прим. ред.*)

труды наши не пропадут бесследно, что объем проделанной работы непременно даст нам новые хоккейные качества.

Но вот начались заморозки, приближалась зима. По ночам мы заливали теннисный корт и, не дав льду как следует окрепнуть, надевали коньки, упражняясь то с шайбой, то с мячом. Дело в том, что мы являлись как бы «слугами двух господ»: издав приказ о развитии в стране хоккея с шайбой, спортивное руководство возложило его выполнение на команды хоккея с мячом. Поэтому зимой 1946—1947 года мы выступали сразу «на два фронта», играя и в хоккей с мячом, и в хоккей с шайбой. Матчи проходили обычно в один и тот же день. Утром, бывало, гоняли шайбу, вечером — мяч. И наоборот. И никто, представьте, не жаловался на усталость, на перегрузки. О том, чтобы наши занятия контролировали специалисты-медики, тогда не могло быть и речи, лишь сестры милосердия в случае необходимости делали перевязки игроку, получившему травму.

Начинал я играющим тренером команды ВВС. Она была составлена в основном из солдат, обслуживавших летное училище. Оно находилось рядом с московским стадионом «Динамо» — в том самом здании, где сегодня размещается филиал Военно-воздушной академии имени Ю. А. Гагарина.

Всем нам приходилось нелегко. Мои подопечные, солдаты срочной службы, ежедневно занимались и строевой, и огневой, и политической подготовкой, выполняли различные работы. Но, едва лишь появлялось у них «окно» свободного времени, мы тренировались. В любое время года, в мороз и слякоть.

Дружно жили, по-спартански. Нас отличали организованность, веселый нрав и трудолюбие. Командование училища, узнав, что мы тренируемся два-три раза в день, распорядилось добавлять к солдатскому пайку чуть больше жиров и углеводов. Мне нравилось наблюдать, с каким аппетитом ребята уничтожали все то, что им давали на раздаче. Посуда после них казалась вымытой.

Единственное, чего нам всем недоставало, так это сна. На двухъярусных койках спали, как говорится, мертвым сном. А когда дежурный по казарме в шесть утра подавал команду «Подъем!», она всегда заставляла врасплох. Нам не хотелось расставаться со снами, мы ворочались с боку на бок в надежде хоть несколько лишних секунд понежиться в тепле под одеялом. Но едва рядом, громко

выражая свое неудовольствие, появлялся старшина, срабатывал страх — не наказали бы! — и мы с кислыми физиономиями мчались на построение, зная, что даже секундное опоздание грозит взысканием. Чудаки, мы не понимали тогда, что строгость и придирчивость старшины сослужат нам добрую службу и ой как пригодятся в долгой нашей жизни!

Наша команда была приписана к роте охраны училища. Всем приходилось стоять в карауле. Часто с оружием. Но мы с ребятами договорились, что для тех, кто в наряде, время зря пропадать не должно: находясь на посту, они или имитировали бег на месте, или, если позволяли условия, совершали пробежки вправо и влево, вперед и назад — то боком, то спиной вперед. Вот удивился бы тот, кто случайно увидел бы этих часовых со стороны!

Вспоминаю нашу солдатскую молодость не для одной лишь исторической достоверности. Когда сегодня вижу на тренировках спортсменов, которые ленятся, возмущению моему не бывает предела. Спорт требует упорства, умения дорожить временем, как бы прессовать его. «Молодость дается только раз», — совершенно верно поется в известной песне. И эту истину важно запомнить всем, кто стремится разумно распорядиться молодыми годами. Убежден: без напряженной работы над собой, без фанатизма ничего путного нельзя добиться ни в спорте, ни где-либо еще.

Своим зимним стартом, итогом первого чемпионата страны наша молодая команда была довольна. Нам удалось одержать ряд побед над сильными соперниками. Например, обыграть команду из Риги³, за которую выступали самые опытные хоккеисты, ведь в Латвии к тому времени в «канадский» хоккей играли уже более двадцати лет, латвийские хоккеисты не раз участвовали в предвоенных чемпионатах Европы.

Те же самые спортсмены, что выступали в составе хоккейной команды Военно-воздушных сил, неплохо играли и в футбол. Осенью 1946 года футбольная команда ВВС, которую также тренировал я, вышла победителем турнира команд второй группы, получив

³ Результат матча ВВС — «Динамо» (Рига) в сезоне 1946/1947 гг. 1:1. (Прим. ред.)

право выступать в следующем сезоне среди сильнейших футбольных команд страны.

В разгар футбольного сезона крупный пост в ВВС занял генерал-майор Василий Сталин. Влюбленный в спорт и спортсменов, он тут же азартно включился в наши дела, потребовав от команды исключительно одних лишь побед. Требование понятное, но!

Прийти победы к армейской команде — пусть талантливой, но малоопытной — вот так запросто, конечно, не могли. Тем более что ранее я отказался пригласить в коллектив именитых мастеров. Известно, что для создания классной команды необходимо время. Игроки же мои были молоды, в большом спорте не искушены. Но что меня радовало, были они честолюбивы, много тренировались. Я верил, что большие успехи к нам непременно придут. В будущем.

Однако Василий Сталин не только болезненно переживал любую неудачу команды, но и стал вмешиваться в действия тренера, требуя поставить на игру то того, то этого футболиста.

После матча в Москве с командой динамовцев Тбилиси, проигранного нами со счетом 1:5, он вызвал меня к себе на квартиру. Состоялся крутой разговор, в ходе которого я попросил освободить меня от должности тренера. Генерал не давал согласия. Его можно было понять. Он проявлял большой интерес к команде, беспокоился за ее судьбу. Но ему и в спорте хотелось командовать. Я же придерживался иных принципов. Считал и считаю, что поиск состава и планирование тренировок, определение их содержания, выбор тактики на игру, а также многое и многое другое — прерогатива одного лишь тренера. И никакое вмешательство извне недопустимо. Но генерал этого понять не хотел.

Что ж, как говорится, нашла коса на камень. Я вернулся в ЦДКА — Центральный дом Красной армии, к которому все это время оставался приписанным как офицер.

Команда ЦДКА в первом розыгрыше чемпионата страны по хоккею с шайбой заняла второе место, уступив высший титул московским динамовцам. Кстати, играющим тренером динамовской команды был Аркадий Чернышев. Наставник армейских футболистов, авторитетный специалист Борис Андреевич Аркадьев, в команде которого до направления в клуб ВВС я несколько лет играл в футбол, рекомендовал меня тренером хоккейной команды. Командование ЦДКА

согласилось с моей кандидатурой. Так с сезона 1947/1948 года стал я руководить армейским коллективом хоккеистов.

Какое это счастье — быть тренером! И долгие-долгие годы работать с одной командой. Ты, тренер, из совсем «сырых» игроков, или, как мы их называем, «полуфабрикатов», подобно ваятелю, «лепишь» мастеров игры. Ты познаешь сильные стороны характера спортсменов, тебе ведомы и их слабости. Ты постигаешь их взгляды на хоккей, на жизнь. Ты не только их учишь всему, что знаешь и умеешь, но и сам у них учишься. И очень многому. Рисковать и побеждать. Творить. Терпеть невзгоды. С честью выходить из сложных коллизий. Уметь отдавать на алтарь команды все, чем ты сегодня располагаешь. И быть постоянно, несмотря ни на что, собранным, сдержанным, быть готовым в считанные доли секунды просчитать ситуацию, найти новое, тактическое решение, психологические ключи и к своим игрокам, и к хоккеистам команды-соперника.

Тренировки, труд спортсменов каждый день, каждый час дают тебе, тренер, новую пищу для размышлений. Тренер должен быть наблюдательным. И всякий раз «делать узелок на память», чтобы сохранить увиденное, подмеченное, услышанное. Это бесценный материал, лучший учебник для тренера.

И что примечательно — чем выше мастерство игроков, чем чаще победы, тем интересней работать с командой. Хотя, бесспорно, и сложнее. Прекрасный писатель Константин Паустовский сказал однажды, что первую книгу написать просто, а вот последующие... Так и в работе с командой: с каждым годом сложности нарастают. Ну и пусть, ведь чем сложнее жизнь, тем она увлекательней.

Настоящий тренер должен всегда и во всем быть чуть впереди, чуть выше своих подопечных. Каждодневно общаясь с ними, преподносить что-то новое, интересное. Тренер должен быть всегда во всеоружии, постоянно заряжен новизной.

Постичь эту истину мне пришлось довольно скоро. Однажды пришел на индивидуальное занятие с вратарем Николаем Пучковым со вчерашним конспектом. Истинный спортсмен, фанатик хоккея, Николай воспринял это как обиду. Тренировался нехотя, без обычного упоения, дав мне тем самым понять, что не желает «пережевывать» уже знакомые ему упражнения. Это послужило для меня уроком на всю жизнь.

Ты, тренер, у игроков всегда на виду, словно на ладони. Они видят, как ты одет, каково твое самочувствие, настроение — ничто не укроется от спортсменов. Действия тренера подконтрольны не только ему самому, но и двадцати пяти — тридцати пяти объективным строгим контролерам — игрокам команды. А это значит — жизнь в узде, ведь ты — пример для игроков. И надо поступать всегда так, чтобы не стыдно было за свой труд и поведение. Придет время, твои игроки оставят площадку, обретут профессию (вовсе необязательно связанную со спортом), но прожитое в хоккее в памяти оставят навсегда. И тренера тоже. Да и тебе память об игроках всегда будет бесконечно ценна и необходима.

Но вернемся к рассказу о первых шагах советского хоккея.

Ко второму сезону хоккея с шайбой мы готовились уже более серьезно, а главное — вдумчиво. В тот год наша армейская команда стала чемпионом страны. Она была немногочисленной — одиннадцать-двенадцать человек, но дружной и по тем временам — умелой. А также, что важно, удалой. Ведущим игроком, виртуозом-забивалой был Всеволод Бобров. Рядом с ним играл прекрасный хоккейный труженик и распасовщик Евгений Бабич. Роль центрального нападающего в звене доверили мне. Костяк обороны составили два выдающихся спортсмена — спокойный, уравновешенный Владимир Никаноров, между прочим, еще и знаменитый футбольный вратарь, и отважный, дерзкий, тоже отличный футболист-полузащитник Александр Виноградов. За команду выступали также форварды Михаил Орехов и Виктор Давыдов, активный защитник, почти хавбек Владимир Меньшиков и еще один защитник — бесстрашный Владимир Венёвцев. Ворота поначалу защищал известный голкипер хоккея с мячом Дмитрий Петров, исполнявший новую для себя роль практически без всяких репетиций.

ПЕРВАЯ ПРОБА СИЛ

Та зима осталась важной вехой в истории нашего хоккея. В марте 1948 года в Москву была приглашена чехословацкая команда ЛТЦ — лучший хоккейный клуб Европы. Большинство игроков этой команды входили в состав сборной Чехословакии, которая

в самый канун визита к нам блистательно выступила на зимней Олимпиаде в Санкт-Морице, не проиграв ни единого матча и сведя к ничьей встречу с хоккеистами Канады. И лишь лучшее соотношение забитых и пропущенных шайб позволило родоначальникам хоккея завоевать золотые олимпийские медали.

За команду ЛТЦ выступали такие сильные игроки, как вратарь Богумил Модры, нападающие Владимир Забродский, Станислав Конопасек. По мнению специалистов мирового хоккея, это были игроки выдающиеся.

Для проведения трех товарищеских матчей с клубом ЛТЦ впервые была создана сборная команда Москвы по хоккею с шайбой. Руководить ею было поручено мне.

Задача перед нами была поставлена жесткая: только победа. Иной исход международных соревнований с участием советских спортсменов был тогда неприемлем. Еще не утих грозный резонанс неудачного выступления советских конькобежцев на чемпионате мира в Финляндии. Реакция И. В. Сталина была крайне болезненной, резкой. «Виновные» были наказаны. Поражений генералиссимус не признавал. В том числе и в спорте. Страна только что вынесла на своих плечах тяжелейшую войну. Народ гордился своей победой. И считалось, что никто не вправе ронять утвердившийся после войны высокий престиж страны.

Состав команды определился быстро. Выбор-то был невелик. Посоветовавшись с тренерами ведущих клубов, за основу я взял звенья трех московских команд — ЦДКА, «Динамо» и «Спартак». Лучшим из вратарей был, конечно же, рижанин Харрийс Меллупс — человек, влюбленный в свое сложное и не всегда благодарное амплуа. Он был прекрасным аналитиком, умевшим в ходе тренировки или матча быстро обнаруживать допущенную ошибку и тут же вносить коррективы в свои действия. Немногословный, чуть застенчивый, он сразу пришелся ко двору.

Достаточно надежен был и наш второй вратарь — Григорий Мкртычан. Но ему недоставало стабильности, и в этом была отчасти моя вина. Дело в том, что редко выпадал такой день, когда я как тренер не вносил какие-либо коррективы в действия нашего армейского вратаря. Мкртычану приходилось постоянно ме-

нять приемы и навыки. Это, разумеется, отражалось на его игре. Каким образом должен наиболее рационально действовать хоккейный вратарь — этого у нас никто толком тогда не знал. Приходилось фантазировать, идти по пути проб и ошибок. Вот и получалось, что эксперименты я проводил на Григории. Хорошо, что он все понимал и не обижался, когда я заявлял ему: «То, что мы разучивали с тобой вчера, надо навсегда забыть — будем выполнять приемы по-новому». Шел тогда Грише Мкртычану двадцать четвертый год. Жизнь в хоккее прожил он счастливо. Стал заслуженным мастером спорта, чемпионом мира и Олимпийских игр. Долгое время умело руководил развитием хоккея в РСФСР. Создал крепкую семью. Встречаясь, мы часто с ним вспоминаем, как осваивали вратарское ремесло.

Но — назад, назад, к матчам с командой ЛТЦ.

Проигрывать нам было никак нельзя. Это понимал не только я, тренер, но и каждый игрок команды. Силы, само собой, были не равны. На стороне чехословацкой команды и опыт, и высокое мастерство. А что у нас? Лишь огромное желание помериться силами с асами, проверить себя. Но, может быть, есть у нас и еще какие-то достоинства, о которых мы и не подозреваем? А как их выявить? Это возможно только в открытом бою.

В открытом бою? Нет, это рискованно... А если — в «закрытом»?

Мысль о проведении предварительных закрытых товарищеских встреч пришла в голову как-то сразу. К тому же гостям так или иначе надо было проводить тренировки. И играющий тренер соперников Владимир Забродский легко согласился на совместные занятия.

Что творилось возле московского стадиона «Динамо»! Любители хоккея, конечно же, узнали о приезде именитой зарубежной команды. Но милиции были даны строгие указания — на закрытые матчи публику не пускать.

Матчи в Москве проводились лишь в одном месте — в хоккейной коробке у восточной трибуны стадиона «Динамо». Для начальства каждую зиму возводилась небольшая — человек на пятьдесят — деревянная трибуна. С нее-то наши тренеры и спортивные руководители и наблюдали за «пробой сил». И, надо сказать, каждый раз покидали стадион с плохим настроением.

Сейчас, когда с той поры прошло немало времени, могу признаться, что тогда я слегка схитрил. Утаил от соперников две тройки нападающих — армейскую и динамовскую, — а также пару защитников — Никанорова и Виноградова с вратарем Меллупсом. Не хотелось выкладывать сразу все козыри. К тому же я полагал, что в открытых матчах немалую роль может сыграть неожиданность.

Наш второй состав, хоть и бился вовсю, проигрывал соперникам с разницей в шесть-восемь шайб. При этом мы чувствовали, что чехословацкие хоккеисты еще и берегут себя, до конца не выкладываются, действуют вполсилы.

И вот проба сил позади. Заявляю руководителям нашего спорта, что команда готова к открытым матчам. А мне отвечают: они не состоятся. Руководство настолько уверилось в нашем неизбежном провале, что поручило мне поблагодарить чехословацких игроков и тренеров, извиниться за беспокойство и завтра же проводить их домой.

И тут, полагаю, пригодилась моя безрассудная смелость, а может, и несдержанность. Я не вошел — буквально ворвался в кабинет генерала Аполлонова⁴, руководившего тогда спортивным движением страны, и стал требовать проведения отмененных встреч. Уверял, что все девять хоккеистов, не принимавших участия в тренировочных играх с чехословацкой командой, горят желанием дать соперникам бой. Что без этих трех открытых встреч мы практически не получим ничего полезного и важного от общения с лучшими хоккеистами Европы. Что негоже обманывать народ, любителей хоккея, которые почти круглосуточно косяками ходят вокруг динамовского стадиона в ожидании этих матчей.

Была созвана коллегия Спорткомитета. Большинство высказалось против этих встреч. Боялись не столько нашего поражения, сколько оргвыводов.

Перелом наступил, когда нас поддержал первый секретарь ЦК ВЛКСМ Николай Александрович Михайлов. Сперва он спросил

⁴ На момент проведения игр генерал Аполлонов был заместителем министра внутренних дел СССР. (Прим. ред.)

меня, на чем основана моя убежденность в том, что наша команда возьмет верх. Я ответил, что в скорости действий советские хоккеисты превосходят соперников, что благодаря этому мы сумеем наладить быструю игру в пас. При таком темпе соперникам состязаться с нашей командой будет непросто. Что касается высокого индивидуального мастерства чехословацких игроков, их тактической грамотности, то этим достоинствам соперников мы намерены противопоставить активность, боевитость. «Никому не будет стыдно за наших ребят, — сказал я. — Матчи они проведут азартно и мужественно, а это сгладит некоторые наши слабости».

Результаты тех встреч хорошо известны. В первом матче победа была за нами — 6:3, второй мы проиграли — 3:5, хотя и вели со счетом 2:0, третий матч закончился вничью — 2:2.

Кто же еще выступал — о вратарях я уже говорил — в составе советской команды в этих первых для нас международных встречах?

Первое звено было армейское — защитники Владимир Никаноров, Александр Виноградов, нападающие — Евгений Бабич, Анатолий Тарасов, Всеволод Бобров. Второе ударное трио было динамовское — Всеволод Блинков, Василий Трофимов, Николай Поставнин. В третьем выступали спартаковцы — мой брат Юрий Тарасов, Зденек Зикмунд, Иван Новиков — эти хоккеисты уже встречались с соперниками в закрытых встречах. К матчам с чехословацкой командой привлекались также защитники Анатолий Сеглин, Борис Соколов, Борис Бочарников — они участвовали и в тренировочных встречах. Каждое из выступавших за команду звеньев действовало на свой лад, придерживаясь клубной тактики, что было важно для успеха, ибо усложняло действия соперников.

Лучшими в этих матчах в нашей команде были Всеволод Бобров, Александр Виноградов, Евгений Бабич, Василий Трофимов, а также вратарь Харрийс Меллупс, сыгравший без замены все три встречи.

Проба сил нам явно удалась. Довольны были наши спортивные руководители. Но особый подъем испытывал зритель. Болельщиков, стоявших плечом к плечу на восточной трибуне стадиона «Динамо», на каждый матч собиралось не менее тридцати тысяч. Да, так быстро, с первой попытки, завоевал тысячи поклонников новый вид хоккея.

В хоккей с шайбой поверили. Особенно после тех трех первых международных встреч. Пусть не все эти матчи оказались для нас победными. Но зритель увидел — мы не просто играли в хоккей, мы сражались с превосходящим нас силой соперником и борьбу вели на равных. А это зрителям, многие из которых донашивали солдатские шинели, не могло не понравиться. Не могла им не приглянуться и новая игра — быстрая, динамичная, чередующая приливы и отливы атак. Хоккей, подобно туче небесной, всегда таит в себе неожиданное, готов в любую секунду разразиться то молнией и громом, то вихрем и градом...

Важно было теперь закрепить достигнутое, усвоить урок. Сделать хоккей игрой массовой. Определять, какие тактические построения оптимальны для наших спортсменов с учетом их физических, психологических особенностей. Как можно лучше использовать в хоккее те качества, что прививает молодым людям наша школа, комсомол, сложившийся в стране жизненный уклад. Важно, конечно, не только научить ребят трудиться — энтузиазма в те годы у всех было в избытке, — но и трудиться рационально, продуктивно, нащупать средства и методы круглогодичной работы хоккейных команд. Такого опыта у нас тогда не было.

Мы, тренеры и спортсмены, прекрасно понимали, что в нашем первом успехе есть, помимо закономерностей, и немножко улыбки фортуны. Тренерский совет сборной (а в него, кроме меня, входили наставники ведущих клубов Аркадий Чернышев, Владимир Егоров, Александр Игумнов) стал чаще собираться, устраивать тренерские совещания и семинары, где обсуждались различные проблемы хоккея. Разговор, как правило, шел прямой, откровенный, много было споров. Пусть не всегда нам хватало аргументов, доказательности в этих словесных «боях», зато фантазии, увлеченности было с лихвой. Любую, едва лишь наметившуюся, как глазок на ветке, свежую мысль мы подхватывали, брали на заметку.

И тут — небольшое отступление.

Счастье, если встречаешь в жизни мудрого друга, наставника. Я уже упоминал вскользь, что тренерскую науку постигал в Московском институте физической культуры, где кафедру футбола и хоккея возглавлял Михаил Давидович Товаровский. Досконально

зная эти виды спорта, он умел очень интересно раскрывать перед слушателями их внутреннюю суть.

Но, пожалуй, главным и, добавлю, бесценным качеством Товаровского было искреннее участие в нас, молодых. Он никогда не взирал на нас с пьедестала своих обширных знаний. Это он, едва мне минуло девятнадцать и я только что поступил в Высшую школу тренеров, дал мне совет: «Иди, работай. У тебя нет командного голоса, да и вообще много чего еще нет». И я, мальчишка, стал тренировать заводскую футбольную команду в городе Загорске под Москвой — бесценная была для меня это школа!

Позже наши взаимоотношения сложились так, что мы стали друзьями. И всегда, трудно ли было мне или легко, весело на душе, я спешил встретиться со своим учителем, чтобы поделиться с ним радостью, высказать наболевшее.

Но вернемся к событиям конца 40-х годов. Мы тогда совсем не знали мирового хоккея, его истории. Доходили до нас слухи, что за океаном, в Канаде, существует какой-то особенный, почти сказочный хоккей. Правда, некоторым счастливым, например А. Чернышеву, С. Савину, довелось увидеть игру канадских хоккеистов на олимпийском турнире в Санкт-Морице. Рассказам очевидцев о зарубежном хоккее мы внимали, затаив дыхание. Понимали: наши будущие соперники играют в хоккей долгие годы, опережают нас. После встреч с чехословацким хоккеем мы осознали свои немалые огрехи в технике и тактике игры. Но эти впечатления от матчей были пока расплывчаты, они требовали уточнения: в каких именно компонентах, деталях игры мы уступаем зарубежным командам. Хотелось увидеть, ближе узнать хоккей других стран. И вот однажды такая возможность мне предоставилась.

В Скандинавии гастролировал канадский любительский хоккейный клуб, и мне предложили собираться в дорогу, чтобы посмотреть его выступления. Радостный, окрыленный, я тут же сообщил по телефону эту чудесную новость Михаилу Давидовичу Товаровскому. Он попросил меня приехать к нему домой. Встретил удивительно холодно. «Так, куда это вы, молодой человек, собрались?» — спросил он меня в своей обычной ироничной манере. Я объяснил, что есть, мол, возможность увидеть на хоккейной пло-

щадке и шведов, и финнов, а главное — канадцев, о которых ходят легенды. «Вам не следует никуда ехать!» — огорошил меня мой наставник. «Почему?» — недоумевал я. «Вы не созрели смотреть зарубежный хоккей, — отвечал Товаровский. — Ведь если вы увидите иностранцев, сами уже ничего придумывать не будете — так человек устроен. А надо выдумывать, создавать свое. А уж когда твердо станете на собственный путь — тогда и ездите, смотрите!»

И я отказался от командировки за рубеж. Не мог не отказаться — уж больно велик был авторитет Товаровского. Хотя, не скрою, смутная, затаенная обида засела в душе.

Прошли годы упорного или, как я привык говорить, шахтерского труда. Не за горами были зимние Олимпийские игры 1952 года. Мы очень надеялись принять в них участие — жаль, не случилось. К тому времени мы успели сыграть немало международных товарищеских матчей с шведскими, польскими и чехословацкими командами. Побеждали, проигрывали, сравнивали себя с соперниками, набирали бесценный международный опыт. И вот во время одной из встреч со мной Товаровский, наконец, сменил гнев на милость: «Можешь выезжать за рубеж. Смотреть хоть канадцев».

И вот я в Скандинавии, где зимой 1951 года совершала турне канадская любительская команда. Я посещал не только все тренировки и матчи канадских хоккеистов. Мне важно было видеть их и за пределами хоккейного стадиона. Особое внимание привлекал тренер. Мне казалось, что, наблюдая за ним, я сумею подметить что-то необычное, очень важное для себя. Но мне не повезло. На тренировках тренер лишь изредка давал о себе знать — то свистком, то короткой недовольной репликой или гримасой. По ходу матча он, кажется, только и делал, что открывал «калитку», контролируя смену звеньев. И практически после каждой игры его, в стельку пьяного, хоккеисты уводили под руки в номер отеля.

А вот вратарь канадской команды мне понравился. Хоккеисты переезжали из города в город поездом. Коротая время, кто-то из спортсменов играл в карты, кто-то отсыпался после бурно проведенной ночи или дремал в углу купе. Вратарь же обычно читал. Книги, газеты, иногда что-то записывая в блокнот. Порой за-

водил разговор с товарищами. Увы, я ничего не понимал. Догадывался только, что речь идет о хоккее.

Сколько раз в жизни корил я себя за то, что не владею иностранными языками. Вот и сейчас — сижу рядом с канадцами, вижу их оживленные лица, жесты и... не могу принять участие в разговоре. Могу лишь предполагать его содержание, развитие...

Когда начинал говорить вратарь, его собеседники как-то смолкали, внимательно его слушая. Чувствовалось, что среди хоккейных шалопаев этот парень имеет вес и авторитет. Серьезным, основательным выглядел он и на тренировках, и во время матчей. Был, пожалуй, самым надежным игроком в команде.

У нас в то время ходило суждение: «Нормальный человек в ворота не встанет!» Уж больно опасным было это место. Ведь защитным снаряжением не были обеспечены даже вратари команд мастеров. Как правило, стражи ворот надевали телогрейку, а сверху — свитер. Вот и все защитное снаряжение... После матчей, тренировок, моясь в душе или парясь в бане, мы смотрели на вратарей с состраданием: тела их постоянно были «украшены» множеством синяков, кровоподтеков, ссадин. Но сами вратари никогда не жаловались на свою судьбу. И, совершая водные процедуры, гордились, похоже, не только своим, как правило, крепким телосложением, но и «боевыми» хоккейными рубцами.

КОММЕНТАРИЙ Ю. В. КОРОЛЕВА

О НОВАТОРСТВЕ ТАРАСОВА

В судьбе Анатолия Тарасова произошел эпизод исключительно важный во всех отношениях.

Было это в начале 50-х, когда в Советском Союзе набирал популярность «канадский хоккей». Мы многого не знали, искали какие-то свои подходы, но из-за неучастия в международных турнирах, конечно же, не получали столь необходимого опыта. Опыта соревновательного и, что было еще важнее, опыта методического. Ну что говорить, если канадцев — родоначальников

игры! — никто из нас живьем не видел. И «железный занавес» ставил крест на перспективе хоть одним глазком взглянуть на законодателей хоккейной моды в мире. Правда, уровень Чехословакии был нам знаком: встречались в товарищеских матчах, которые давали пищу для размышлений; наши друзья по социалистическому лагерю еще с довоенной поры стабильно участвовали в чемпионатах мира — в Европе они были сильнейшими, но Канаде серьезную конкуренцию не составляли, за исключением одного-двух случаев. Родоначальники посылали любительские клубы на международные соревнования и разделяли всех «под орех».

Разрыв в спортивном уровне был колоссальный. Канадцы с 1899 года всю культурировали ими же придуманную игру, а русские приступили к ее освоению только в 1946 году. В этих неблагоприятных условиях практически полной изоляции молодой тренер Анатолий Тарасов пытался сам что-нибудь придумать, совершенствуя тренировочный процесс по основным направлениям: физическая подготовка — общая и специальная, техника, тактика, психология. Однако необходимость воочию познакомиться с канадскими командами оставалась насущной потребностью, из-за закрытости страны превращаясь в несбыточную мечту.

И вот однажды такой шанс представился! Тарасову предложили загранкомандировку на международный турнир с участием любителей-канадцев. Воодушевленный Тарасов поспешил поделиться этой новостью со своим учителем Михаилом Давидовичем Товаровским, доцентом кафедры спортивных игр Московского института физкультуры. Его реакция была абсолютно неожиданной и, я бы даже сказал, шокирующей: «Не надо вам ехать в Европу, чтобы посмотреть на канадцев. Ни в коем случае! Станете копировать их, а это мешает в разработке концепции при освоении новой игры. Приказать вам я не могу, но если хотите моего совета, то я все сказал...»

*Поразительна проницательность Товаровского!
Еще поразительней то, что Тарасов... прислушался к его совету. И отказался от заграникомандировки!
Не зная, когда представится в ближайшем будущем еще такой шанс, да и представится ли он вообще...*

На мой взгляд, эта история ключевым образом повлияла на тренерское кредо Анатолия Владимировича. Определила его генеральную линию на десятилетия — линию неугомонного и изобретательного новатора.

Любопытен и финал этой истории.

Года через три снова возникла возможность увидеть канадцев. Тарасов явился к своему учителю, которого глубоко уважал. И Товаровский дал «добро»: «Вот теперь можно — езжайте, изучайте канадцев. Я уже не боюсь, что вы станете их копировать».

ВЫХОДИМ В СВЕТ

Пришла, наконец, для нашего хоккея пора официальных соревнований. В Вене в феврале 1953 года впервые проходили зимние Студенческие игры молодежи. Советские спортсмены выступили удачно, в том числе и хоккеисты. Мы победили всех конкурентов. Играли весело, задорно, достаточно сложно для соперника. С нашим спортивным руководством имелась предварительная договоренность о том, что, в случае победы в австрийской столице, мы переедем в Швейцарию и примем участие в первом для нас первенстве мира в Цюрихе.

Однако эта договоренность была нарушена. В команде отсутствовал Всеволод Бобров. Он был травмирован. И как ни доказывал я, что мы способны успешно сыграть на чемпионате мира и без сильнейшего игрока, команду отозвали в Москву. Руководители спорта не поверили в наш коллектив. А вот в «звезду» они верили. Мне, тренеру, было обидно это сознавать. Обида была нанесена и игрокам. Вместо команды в Цюрих была направлена небольшая делегация наблюдателей. По-видимому, чтобы как-то успокоить, послали туда и меня.

Когда мы прибыли в шикарный отель «Дольбер» в центре Цюриха, первый вопрос организаторов чемпионата мира был: «Где советская команда?» Мы отвечали, что команда не приедет. Нас стали всячески уговаривать, обещали даже перенести на два-три дня чемпионат. Мы, однако, были бессильны что-либо предпринять... Тем не менее в эти дни наш хоккей был принят в Международную лигу.

Март 1954 года — важнейшая веха в истории нашего хоккея. Впервые приняв участие в чемпионате мира — он проходил в Стокгольме, — советские хоккеисты, победив в финале со счетом 7:2 канадцев, стали чемпионами мира и Европы. Победа сенсационная, но по всем статьям и заслуженная. Руководил командой Аркадий Чернышев, ему помогал Владимир Егоров. Они построили игру на тактике максимального скоростного маневра с использованием быстрого и точного паса. Правда, через год канадцы в Дюссельдорфе взяли реванш — 5:0, вновь став чемпионами мира.

Исключительно интересно складывался олимпийский турнир 1956 года в Италии. В красивом местечке Кортина д'Ампеццо среди заснеженных гор на уютном хоккейном стадионе состоялся решающий матч олимпийского хоккейного турнира между сборными СССР и Канады.

Уже зная силу нашего хоккея, канадцы прислали на игры лучший любительский клуб, победителя розыгрыша Кубка Аллана «Китченер Ватерлоо Датчмен». Играть с канадцами в открытый хоккей нашим спортсменам было невыгодно. В составе канадской команды были игроки опытные, технически хорошо оснащенные. Наши тренеры выбрали единственно верное решение. Предложили сопернику прессинг. Необычный режим игры не понравился канадцам. С первых секунд матча они стали нервничать, часто нарушали правила. Действуя на контратаках, наша сборная после «уколов» динамовской тройки Кузин—Уваров—Крылов победила 2:0.

Вспоминая тот матч, мне хочется воздать должное хоккейной мудрости моего друга — тренера сборной Аркадия Чернышева. Никогда не забыть самоотверженных, уверенных действий нашего вратаря Николая Пучкова. Да и все игроки, не жалея себя, отдали все силы победе.

КОММЕНТАРИЙ Ю. В. КОРОЛЕВА

**О МЕТОДИЧЕСКОЙ БАЗЕ НАШЕГО ХОККЕЯ,
ПО МНЕНИЮ ТОВАРОВСКОГО — ТАРАСОВА**

Товаровский короткое время являлся старшим тренером футбольного клуба «Динамо» (Москва), потом перешел в инфизкульт. Михаил Давидович был незаурядным ищущим специалистом, прирожденным педагогом, порядочным и интеллигентным человеком. То, что Тарасов встретил его в самом начале освоения «канадского хоккея», явилось большой удачей для Анатолия Владимировича, да и без какого-либо преувеличения с моей стороны — для всего нашего хоккея.

С чего следовало начинать освоение «канадского хоккея»?

На что делать упор?

Каким образом использовать наши наработки в видах спорта, которые были относительно близки к неизвестной нам до войны игре?

Хоккей с мячом. Или, как мы его называли, русский хоккей. Размашистое катание, высокие скорости и комбинационный стиль очень пригодились поколению первопроходцев.

Футбол. Атлетизм, координация движений и игровое мышление были присущи поколению Боброва, все они прекрасно выглядели на зеленом поле. Их летние тренировки — футбол на баскетбольной площадке, так называемый «дыр-дыр», — были своего рода приближением к «канадскому хоккею».

Эти два кита, две «плиты» в фундамент советского хоккея Товаровский с Тарасовым заложили продуманно и своевременно. Поколение «русачей» во главе с Бобровым на удивление стремительно ворвались в когорту сильнейших хоккейных держав, что наглядно подтвердили сенсационные золотые дебюты сборной СССР на чемпионате мира 1954 года и на Олимпийских играх 1956 года.

Отпраздновав олимпийскую победу, наши спортсмены и тренеры не «задрали носы». Мы знали, что зарубежный хоккей, особенно канадский, имеет за спиной огромную силу. Что наш триумф в турнире всего лишь эпизод и еще не гарантия стабильных успехов.

Мы, тренеры, были крайне заинтересованы в налаживании спортивных связей. И особенно — с родоначальниками мирового хоккея. И в Стокгольме, и в Италии на Олимпийских играх, в те счастливые для нашего хоккея победные дни я искал встреч с тренерами и боссами канадского хоккея. Хотя у меня было к ним много вопросов, главное, что мне хотелось узнать, это — желают ли они постоянных контактов с советскими командами, с нашим хоккеем. И от всех своих собеседников я получал холодный однозначный ответ: нет. Нет времени на такие встречи. В Канаде слишком плотный и обширный календарь. Не случайно ведь за много лет в Канаду не приглашалась ни одна из европейских команд. А что касается вашей команды, то мы проиграли случайно, недооценили вас.

Наиболее откровенные специалисты говорили, что наш хоккей канадскому зрителю не нравится, в нем, мол, нет динамики, страсти. Меня убеждали, что наш хоккей не смотрится, что он чересчур академичен и им, канадцам, непонятен. Не скрою, я мало верил словам собеседников. Полагал, что они или расстроены неудачей, или их одолевает гордыня.

В спорте, как и в жизни, время всему судья. Долго не хотели руководители канадского хоккея приглашать нас. И вдруг осенью 1957 года советской сборной предлагают прибыть в Канаду и провести восемь товарищеских матчей с любительскими командами. Хотя и были у нас другие планы, упустить возможность посетить родину мирового хоккея было бы непростительно.

Готовить команду для поездки в Канаду поручили мне. Времени было в обрез, а следовало сразу отбросить в сторону волнение и прочие эмоции, все до мелочей наперед продумать и учесть.

Главное — определить состав. Нужны не лучшие — из них не всегда составишь боевую команду, — а нужные игроки. Здесь я не совершил ошибки, допущенной мною позже, в 1960 году, когда на зимние Олимпийские игры в Скво-Велли (США) состав команды был, по сути, навязан мне Федерацией. Уж больно модно

в то время было все решать коллективно, голосованием. А мне не хватило твердости, да и аргументы мои были для членов Федерации недостаточно весомы. Вот и повез за океан состав, что мне навязали, в который мало верил сам.

Итак, о составе для поездки в Канаду. Мысль такая: он должен быть экспериментальным. Что это значит? Воссоздам, по возможности, ход моих тогдашних рассуждений. Через призму предстоящих матчей, — а каждый игрок, само собой, должен вложить в них все свое мастерство и силы, ярко проявить черты своего спортивного дарования, — мы, тренеры, обязаны были по окончании турне четко определить, в каком направлении впредь развивать наш хоккей. Должны прояснить для себя, что в нашем хоккее легко разгадываемо канадцами, к чему соперники равнодушны. Что их задевает, что будет непривычно, труднопреодолимо для них в нашем хоккее.

Вот почему брать в поездку следовало не лучших игроков. И, разумеется, не по одной лишь рекомендации тренеров клубов. Исходить нужно из того, что предстоящее турне — это «разведка боем», пусть даже со знаком «минус». Значит, в первую очередь в составе должны быть хоккеисты, способные побеждать — по физическим качествам, двигательным навыкам, по характеру. Это, возможно, не совсем удобно для создания боевых звеньев, но для проверки канадского хоккея на прочность все это казалось мне кстати. Каких форвардов «не полюбят» канадские защитники? Какие наши защитники окажутся не по нраву канадским нападающим? Это непростые вопросы. И чем раньше мы на них получим ответ, тем вернее определим, каких нам готовить хоккеистов в различных амплуа, куда вести хоккей в целом.

Итак, вот кто поехал в Канаду. Вратарями мы взяли взрывного Николая Пучкова и спокойного Евгения Ёркина. В защиту вошли высокоманевренные Иван Трегубов и Дмитрий Уколов, тяготеющие к силовому хоккею Николай Сологубов и Генрих Сидоренков. В нападении играли Константин Локтев, Вениамин Александров, Владимир Елизаров, Юрий Пантюхов, Алексей Гурышев, Александр Черепанов, Владимир Новожилов, Юрий Копылов, Николай Снетков и универсал Станислав Петухов.

Все это были москвичи. Поразмыслив, мы решили доукомплектовать сборную игроками из других городов — пусть они по возвращении расскажут землякам о Канаде, о ее хоккее. Так, из Горького пригласили физически одаренного защитника Владимира Солодова, из Ленинграда — техничного, но мягкого характером Валентина Быстрова, из Челябинска — творчески гибкого и сверхреактивного Анатолия Олькова. Состав этот был как мозаика, разнокрасочный — экспериментальный. Кто не по нраву придется канадцам — тот пригодится нашему хоккею.

Мы, разумеется, знали, что увидим в деле профессионалов и сможем — пусть умозрительно — сравнить этих игроков из легенды с канадскими любителями, да и с нашим хоккеем. Хотелось нам узнать и некоторые точные данные. Такие, например, какова длина скоростного маневра хоккеистов разных амплуа в определенные отрезки времени. Количество и качество передач, обводок, завершающих бросков, силовых единоборств в различных зонах хоккейного поля.

Конечно же, надеялись мы побывать и на тренировках профессионалов. Мы рассчитывали узнать о них как можно больше и сравнить свои впечатления с теми легендами, что сложились о них. А ходили разные, порой пугающие явной недостижимостью высоты хоккейного искусства слухи. К примеру, что бросают шайбу профессиональные игроки с поразительной точностью, попадают с 7—8 метров в крохотные — с монетку — мишени, прикрепленные к борту. Будто у них фантастический, не знающий осечек дриблинг. Доходили до нас и сведения о крутых нравах профессионального спорта: мол, хоккеисты сражаются, как гладиаторы, бурно реагируют на малейшую несправедливость и при этом не щадят даже судей. Слухи, слухи, слухи... Предстояло проверить их, увидеть все своими глазами, усвоить, пережить... И, конечно, хотелось взять верх хотя бы в половине предстоящих встреч с канадскими любителями.

На подготовку к матчам за океаном времени было отпущено ничтожно мало. И мы спешно готовились...

Когда я как тренер предлагаю команде новые упражнения, то считаю нелишним посоветоваться с игроками, объяснить их смысл, важность выполнения именно этих, а не каких-либо дру-

гих упражнений. Предвидя, что, играя против нас, канадцы будут, как говорится, спускать «овчарок» — идти на столкновения, используя и силу, и злость, — важно было и проверить мужество игроков, и приучить хоккеистов к подобным единоборствам. И вот обязательным, как бы дежурным блюдом на всех тренировках стало такое упражнение для форвардов: им предлагалось поодиночке врываться в зону соперников с шайбой, ни на мгновение не теряя контроля над ней. Поначалу большинство хоккеистов не могли совладать ни с шайбой, ни с самими собой — ведь на рубеже между красной и синей линиями их встречали 7–8 обороняющихся, которые стремились преградить форварду путь.

В команде всегда есть «маяки»: игроки, на которых в отдельных элементах хоккея можно равняться. Это бесценные помощники тренера. И в этом упражнении были свои «короли» — Николай Хлыстов и Владимир Елизаров. В 8–9 попытках из 10 они врывались с шайбой в зону, а порой и все десять попыток были удачными. Обыгрывали соперника при помощи смены ритма, финтами, крутым маневром. Им нипочем были столкновения, они словно мячики отскакивали от защитников, а если и падали на лед, то тут же, сохраняя у себя шайбу, вскакивали на ноги и продолжали атаку. Были они удивительно устойчивы, хладнокровны, горазды на выдумку, игровой задор, озорство и хитрость. Кстати, именно они и в Канаде оказались самыми сложными персонажами для обороны соперников.

Это и другие упражнения, такие как первая атака с ходу на быстроту паса, служили не только экзаменом для игроков — с тем, чтобы тренер мог определить лучших и худших исполнителей. Они помогали хоккеистам обрести уверенность, чтобы в экстремальных условиях — в борьбе с соперником опытным и жестоким — действовали они расчетливо, тактически разумно.

Итак, состав делегации утвержден. Команда прошла инструктаж, хотя лишней необходимости напоминать о том, как вести себя за рубежом, не было нужды — все прекрасно сознавали значимость командировки.

Перенесемся в то не так уж и далекое (с моей точки зрения) время. Не было тогда у нас соглашения о воздушных перелетах с Канадой и США. Летим в Скандинавию с помощью «Аэрофло-

та», а далее, со многими остановками, — самолетами компании «Эйр Канада». После этого перелета я был за океаном десятки раз и, пересекая Атлантику в ту или иную сторону, совершал, как правило, посадку на острове Ньюфаундленд, в аэропорту Гандер. И 30 с лишним лет назад мы сделали первую остановку там. Запомнилась она мне на всю жизнь.

Самолету нашему предстояло находиться в этом порту около двух часов. Мы решили размяться, побегать. Но, выйдя из самолета, я узнал, что поблизости есть каток и что его нам с удовольствием предоставят для тренировки. И вот выгружены наши спортивные баулы с доспехами, мы садимся в автобус и через несколько минут — уже на катке.

После долгого сидения в креслах салона ребята тренировались с таким удовольствием, что их пыл приходилось порой охлаждать. Время бежало быстро, мы и не заметили, что трибуны, вмещавшие тысячи три зрителя, постепенно заполнились. Возможно, потому, что зрители вели себя удивительно тихо, наблюдая за нашим занятием с каким-то благоговейным вниманием. Когда мы закончили, нас вкусно и сытно накормили в ресторане, не позволив расплатиться. Вернувшись к самолету, мы, довольные, что так гостеприимно нас приняли, попрощались с канадцами, вручив им свои сувениры и поблагодарив за возможность потренироваться и за вкусный обед. И тут заметили на их лицах легкое замешательство.

Один из провожавших нас людей, держа в руках увесистый пакет, произнес короткую речь, отметив, что это они благодарят судьбу за то, что первыми увидели советский хоккей и хоккеистов. Сказал, что им понравились наши ребята — веселые, удалые, крепко держатся на ногах, — но им трудно будет устоять против канадских хоккеистов там, на материке. Хоккей, мол, канадская игра, и невозможно представить, что есть соперники, способные хотя бы на равных играть с командами Страны кленового листа. А дальше...

Свою речь он завершил словами: «Мы весьма обязаны вам за эту тренировку. Вы, русские, какие-то не деловые люди. Видели зрителей на трибунах? Так вот, мы заработали на вас около трех тысяч долларов. А вы нас еще благодарите!» — и протянул руководителю нашей делегации Павлу Короткову пакет с деньга-

ми: это, мол, ваша доля. Естественно, наш шеф от подарка отказался. В командировочной смете такого не было предусмотрено.

Вот и сказочный Монреаль — центр профессионального хоккея! Поразил нас огромный аэропорт, где к самолетам подкатывали необычные автобусы. Салон их поднимался до уровня дверного люка самолета, и пассажиры как бы переходили из одного помещения в другое, удобно рассаживаясь в креслах. Аккуратно и быстро нас привезли в здание аэропорта.

В этот же день, наскоро устроившись в гостинице и перекусив на ходу, мы появились в святой святых хоккейной Канады — огромном дворце спорта «Форум». Мы провели тренировку на льду, где тренировались, выступали перед публикой лучшие, самые выдающиеся профессиональные игроки.

Перед тренировкой, давая в раздевалке задание игрокам, я стремился их успокоить. Но, по-видимому, сам не смог скрыть волнения, и мои слова повлиять на них не могли.

Нам сказали, что на трибунах — около тысячи зрителей и среди них — в полном составе профессиональный клуб «Монреаль Канадиенс».

Мы послали на трибуну своего переводчика. Попросили его послушать, что скажут профессионалы о тренировке, как отзовутся о наших ребятах.

Как снять волнение у спортсменов, мы, тренеры, как будто бы знаем. Хорошая физическая работа, сопровождаемая веселыми шутками, разряжает нервное напряжение. Но как избавить ребят от скованности, вызванной ответственностью, ощущением, что за тобой следят сотни придирчивых глаз? И как мне, тренеру, в этих условиях остаться самим собой, сохранить спокойствие? Тогда у меня еще не было большого тренерского опыта, важного для общения со спортивными знаменитостями столь высокого уровня.

Мы провели тренировку, используя недавно изобретенный нами поточный метод. В конце занятия я остался на льду с двумя звеньями. Разучивали тактику игры в неравных составах, а затем работали с вратарями.

Николай Пучков... Мне не раз во время той поездки говорили иностранные журналисты, что на тренировку нашего голкипера следует продавать билеты особо. Он не был артистичен, зато —

истинный спортсмен. Тренировался всегда страстно, забывая обо всем на свете. Был беспощаден к себе. Не раз шайба попадала ему в лицо, и даже на время теряя сознание, он не допускал до себя врачей. Немного отлежится на льду, наскребет в ладонь снега, нацарапанного коньком, потрет ушибленное место и вновь как ни в чем не бывало становится в ворота, вновь парирует летящие шайбы. Обижался, если ему бросали слабо, таких игроков гнал от себя. Требовал, чтобы броски были разящими, меткими. Памятуя о том, что уже немолод, Николай Пучков словно бы не хотел зря терять время, отпущенное на спорт: годы, месяцы, дни, часы... Временем дорожил.

Мне не терпелось узнать, что говорили о нас профессиональные игроки. Переводчик, посланный раньше на трибуну, к хоккеистам-профессионалам, рассказал, что канадцы во время тренировки очень веселились. Из множества реплик он сумел уяснить следующее: русские своеобразно и легко катаются на коньках. Что касается манипуляций с шайбой, то это, по их мнению, детский сад. Удивление вызвали наши передачи, их обилие. Бросать по воротам, как им показалось, русские не умеют, а главное — играть с ними неинтересно.

Я ожидал всего, но того, что услышу столь низкую оценку нашему хоккею, вовсе не предвидел. Это разозлило не только меня. О мнении канадцев я сообщил игрокам. Они стиснули зубы. Что ж, самолюбие в спорте я только приветствую. И в какие-то моменты тренер команды эту черту спортивного характера может использовать во благо. Однако не все игроки покинули «Форум» с намерением доказать канадцам, что и мы, мол, не лыком шиты.

И снова мой рассказ о Николае Пучкове. Чтобы постичь секреты вратарского амплуа, он как-то незаметно выучился читать и говорить по-английски. Всегда держал при себе англо-русский словарь и специальные книги по хоккею. У него появилась и канадская хоккейная литература. Скоро Николай сделался нашим добровольным гидом и переводчиком в заграничных поездках. Однако, при всем моем почтительном отношении к знанию языка и специальным хоккейным книгам, я вскоре стал замечать, что Николаю знакомство с ними не в полной мере пошло на пользу.

В спорте следует уважать любого соперника, считаться с ним, но — в меру. Соперника нельзя бояться. Тем более подражать ему,

делать из него идола. Преклоняться перед авторитетами — это значит в какой-то мере потерять себя. Авторитет канадцев в хоккее удивительно велик, постоянен, живуч. И что ж? Снимать шляпу? Слепнуть перед его сиянием? Убежден, что такие богатые хоккейными традициями страны, как Япония, Дания, Голландия, ФРГ, в том числе наши соседи финны, давно бы добились на международной арене куда более заметных успехов, если бы отказались от подражания канадской манере игры. Копия, это известно, всегда хуже оригинала.

Но, отвергая преклонение перед авторитетами, я вовсе не призываю хоккейные школы замыкаться в узких национальных рамках, всегда оставаться «самими собой». Хоккей игра творческая. И все-таки тренер во имя успеха не может не использовать такие категории, как национальные особенности и характер, наклонности и традиции народа, опыт физического воспитания, накопленный в стране. А если нет такого подхода к хоккею, то не сможет он иметь ни национальной окраски, ни стабильных успехов на международной арене.

Так что же случилось с Николаем Пучковым? Он, проштудировав многие книги, так влюбился в канадский хоккей, так поверил в его силу и непогрешимость, что не мог объективно оценивать даже свои собственные возможности. Все у канадцев — и тактические построения, и подготовка игроков — представлялось ему почти идеальным. И когда мы встретились с канадцами на льду, то наш вратарь подсознательно не верил в нашу победу. Невольно побаивался соперника, авторитет которого был для него слишком велик.

Я подолгу беседовал с Николаем. И лишь почувствовав, что слова мои бесполезны, переубедить его не смогу, принял единоличное и, на мой взгляд, единственно верное решение. Основным вратарем в команде стал Евгений Ёркин. Доверить ворота тому, кто хотя бы одной фиброй своей души не верит в команду, за которую выступает, я не мог. В психологически сложном турне по Канаде, считал я, в боевом расчете команды должны находиться лишь те игроки, кто искренне верит в свои возможности, кто не дрогнет перед лицом грозного и, допустим, более сильного соперника. Убежден, без такой психологической уверенности добиться успеха в спорте невозможно. Это мое давнее убеждение, для меня почти аксиома.

ГЛАВА II

ИТОГИ

Хоть самые авторитетные канадские специалисты и журналисты предрекали нам крупные поражения во встречах с их соотечественниками, мы сумели первое свое боевое крещение в Канаде провести достойно. Начисто проиграв первый матч — просто не успели еще отойти от трудного перелета, сказались и разница во времени, и недостаточная акклиматизация, — мы потом выправились, стали одерживать победы. Вот итоги этого турне: «Уитби Данлопс» — 2:7, «Виндзор Бульдогс» — 5:5, «Китченер Ватерлоо Датчмен» — 2:4, «Садбери Вулвз» — 7:4, «Норт-Бэй Трапперс» — 6:3, «Халл-Оттава Канадиенс» — 6:3, «Кингстон Сеньорс» — 4:2, «Халл-Оттава Канадиенс» (ее еще называли «сборная юниоров Канады») — 10:1.

Конечно, эти победы пришли не сами собой. Потребовалось принимать меры для полной мобилизации каждого игрока. Сегодня с благодарностью вспоминаю тех осевых ребят и особо — капитана команды Николая Сологубова. Первый же матч, завершившийся, как я уже говорил, поражением, выявил главную нашу слабость — недостаток стойкости. Канадские игроки любого ранга всегда отличались таким «игровым терроризмом». Пусть не обижаются на меня канадские игроки за такое определение их мужественной манеры игры. Это с точки зрения верного служения хоккею «то, что доктор прописал». Но в нашей команде далеко не у всех хватало выдержки, стойкости, желания терпеть жесткость соперника и при этом показывать все лучшее, на что способен.

Некоторые игроки стали выпадать из обоймы коллективной игры, кое-кому оказались не по душе столкновения с соперником,

пусть и не всегда действующим в рамках правил. Они или подолгу обиженно лежали на льду, выпрашивая «милостыню» у арбитров, или отмахивались клюшкой, по-детски страшая соперника, гневя судей и в итоге наказывая свою команду.

Считаю, что волевое, нравственное воспитание, преданность игрока команде, хоккею, тренеру следует вести в общей системе работы с коллективом, ни на день не ослабляя к этим вопросам внимания. И тогда, возможно, совсем не обязательно применять какие-либо жесткие меры. Но тогда, в Канаде, не было отпущено времени на демократизм отношений. Матчи игрались подряд, с каждодневными переездами и перелетами.

Снова хочу вернуться к составу. Поиск его — это один из самых важных и далеко не простых разделов в работе тренера. Сколько проиграно матчей, турниров из-за ошибок в определении состава. По умению «делать» состав часто судят о квалификации тренера. Есть тренеры (таких немало), кто определяет состав звеньев по итогам товарищеских и календарных матчей. Дорогостоящее, считаю, это занятие. Дорогостоящее в том смысле, что поиск оптимального состава пагубно отражается на турнирном положении команды. И не только поэтому считаю несостоятельным такой подход тренера к определению состава.

Скажем, любой из наших или зарубежных выдающихся форвардов не мог успешно сыграть против защитника Валерия Васильева. Даже таким великим чудесникам хоккея, как Анатолий Фирсов и Валерий Харламов, полностью проявить себя в единоборстве с ним не удавалось. Это вовсе не означало, что форварды эти слабы. Просто Васильев, особенно когда был в ударе, умел, как мы говорили, «отбивать охоту к хоккею» у каждого, и делал это умело, мастерски и как-то непринужденно, вовсе не кичась этим. Он портил настроение любому форварду, не позволяя ему сыграть в меру своих сил и возможностей.

По моему убеждению, состав следует определять по-иному. Тренер ведь ежедневно, а то и по несколько раз в день проводит тренировки. Предлагает игрокам — всем вместе и каждому в отдельности — различные тренировочные упражнения. Тренер буквально бьется за рост мастерства своих игроков, и для этого

он обязан знать о хоккеисте все до мельчайших подробностей — двигательные возможности спортсмена, его вкусы, привычки, характер. На что он способен, что в целом он может при твоём участии совершить, кем стать? Мой жизненный опыт свидетельствует: чем ближе к игрокам тренер, тем раньше и точнее «раскусит» он спортсмена, поможет ему раскрыть дарование, обратить его талант на благо команды.

Тренеры бывают разные: одни любят командовать, другими движет любовь к хоккею. Первые властвуют. Они подчеркнута демонстрируют гордость своей профессией. Это, как правило, сильные администраторы, они в ладах с прессой. Но не всегда такой тренер — авторитет для игроков. А если все-таки авторитет, то, право, ненадолго. Для того чтобы игрок узнал и поверил в тренера, нужно время. Нужна череда трудных сложных тренировок, напряженных матчей, проверяющих и спортсмена, и тренера на прочность, нужны конфликты, крутые ситуации, в которых становится очевидным, кто есть кто.

Конечно, не каждый спортсмен ставит перед собой высокую цель. Лишь истинные мастера, люди интересные, творческие и пытливые, решившие лучшие годы своей жизни посвятить спорту, умеют ценить время, задумываются о смысле тренировок. Задают себе (и тренеру!) неоднозначные, непростые вопросы.

Они знают: многое, очень многое в их спортивной судьбе зависит от тренера. Ради того, чтобы стать мастером хоккея, спортсмен идет на многие ограничения. Жертвы эти оправданны, если удается достигнуть желанных вершин. А если нет? Когда к спортсмену приходит успех, тренер оказывается чуть в стороне. Ну, а при неудаче виноват, конечно же, тренер. Что ж, как говорят французы, «се ля ви» — такова жизнь!

Будучи армейским спортсменом-солдатом, а позже офицером, играя за команду ЦСКА в хоккей и футбол, я видел, испытывал на себе влияние разных тренеров. Всяческого уважения заслуживает футбольный маг — Борис Андреевич Аркадьев. Вот кто всегда безошибочно умел оценить футболиста, находил лучшие сочетания игроков. Знал, кто сегодня, в матче против конкретного соперника, не подведет команду.

Делая выбор, он умел отбрасывать лишнее — допустим, свое недовольство поведением игрока в быту. Он не принимал во внимание личные взаимоотношения. Ценность для него представляли умение, характер, честолюбие игрока и то задание, в которое он доверительно, как в некую тайну, посвящал футболистов. Одной-двумя фразами, словно художник мазками кисти, он сочно и свежо умел нарисовать картину предстоящего поединка, подчеркнув детали своей неповторимой интонацией, необходимой паузой. После чего каждому игроку не терпелось поскорее выйти на поле и подарить свое умение, мастерство и зрителю, и команде, и — тренеру.

Борис Андреевич был человеком высокой культуры. Особенно хорошо знал живопись, классическую, в том числе русскую, литературу. Речь его всегда была яркой, афористичной. Меткость лаконичных оценок спортсменов у Бориса Андреевича была поразительной. Во время футбольного матча он любил смотреть игру с галерки — с верхних рядов трибуны. Возле него всегда располагалась группа любопытных — тренеров и журналистов. Они предвкушали удовольствие не только от футбола, но и от аркадьеvских реплик по ходу игры.

Эта манера, — сидя на трибуне, выражать свои мысли вслух — как-то незаметно вошла в практику нашего футбола (да и хоккея тоже). Но часто звучат они диссонансом — вульгарно и фальшиво, — поскольку исходят от болтунов, а не истинных знатоков, гурманов спорта.

Иному читателю может показаться, будто я отвлекаюсь от темы. Ничего подобного. Для нас, тренеров-практиков, крайне важен опыт талантливых предшественников — один штрих, деталь может дать направление творческому поиску.

Итак, что же главное для тренера при оценке игрока, компоновке состава? Важнейшим тренерским качеством считаю умение рассуждать. Рассуждать наедине с собой, перебирая множество «за» и «против». Делать выводы. Проверять их, обмениваясь мнениями с кем-либо из коллег. Не тех, конечно, кто в рот тебе смотрит, а тех, кто понимает хоккей, кто имеет свое суждение и может смело его высказать, что поможет тренеру избежать ошибок.

Надо уметь предвидеть, какие могут возникнуть сложности в росте мастерства спортсмена, в действиях звена. Это важное тренерское качество — оно позволяет умело планировать тренировки, вкладывать в них важное содержание, ускоренно совершенствовать связи звена. К примеру, опытный тренер знает, кто из игроков и в каком матче может пока не «потянуть». Но он верит в спортсмена, в звено, зная, что время и труд сделают свое дело — игрок обретет умение, его вклад в успех команды будет возрастать.

Обычно я кладу перед собой чистый лист бумаги и с левой стороны пишу данные, которые говорят «за», раскрывают достоинства того или иного спортсмена, а с правой — те, что «против». Жизнь показывает, что сам игрок не всегда способен изжить свои недостатки. Возможно, восполнить пробел или вскрыть изъян ему поможет один из партнеров. Это не страшно, более того, такая компенсация сродни взаимовыручке, рождает особую прочность звена.

Тренеру, наконец, необходимы фантазия, творчество, основанные на точном представлении, каким быть хоккею в исполнении его команды. Хоккей этот должен быть очень неудобным для соперников. Конечно, прежде всего должен учитываться главный соперник, победы над которым особенно сложны и престижны. При этом в расчет берутся основные компоненты игры, а именно — атлетизм, уровень техники, тактика, волевая стойкость команды, а также некоторые особенности двигательного навыка конкретных хоккеистов, тактические нюансы в отдельных фазах спортивной борьбы.

ПОПЫТКА УКРОТИТЬ КАНАДЦЕВ

Чуть позже, когда будем сравнивать наш хоккей с канадским, мы подробней поговорим об этих (подчас скрытых от глаз зрителя) деталях единоборства команд. Но на том важном для нашего хоккея рубеже, связанном с первым визитом советской сборной в Канаду, на всестороннюю подготовку рассчитывать не приходилось. В нашем распоряжении была лишь неделя. Да и находились мы за океаном в постоянном цейтноте. Перелеты, переезды, мат-

чи через день... И не было у команды ни одного, очень важного, дня отдыха.

На бюро делегации я внес предложение о дифференцированном денежном стимуле для игроков во время турне по Канаде. Меня единогласно поддержали. И это обстоятельство сыграло немалую роль. Те хоккеисты, что выходили на матчи, сражались на редкость упорно и боевито. Игроки же, не попавшие в состав, или те, что снимались с матча из-за слабой игры, лишались премиальных.

Таким образом, мы сумели и деньги сберечь, пополнив кассу Спорткомитета валютой. Правда, потом, по возвращении домой, мне пришлось в связи с этим пережить несколько неприятных минут.

Так уж, видимо, устроен человек: он всегда себя ценит более высоко, чем стоит на самом деле. Конечно, это утверждение справедливо далеко не для всех. Такому болезненному самомнению подвержены, как правило, люди отнюдь не высокой культуры, не требовательные к себе. А в спорте часто бывает и так, что мы, тренеры, авансом захваливаем спортсмена, и он начинает на всех смотреть свысока, вполсилы тренироваться, а то и замышляет заговор против тренера. Это опасный момент в жизни команды. И не разобравшись основательно, оперативно, тренер может потерять контакт с командой.

Минутная для меня неприятность возникла на коллегии Спорткомитета, где мы отчитывались о поездке. Заместитель председателя — женщина решительная и боевая (к ней, по-видимому, «поступил сигнал») — вдруг заявила о незаконных действиях Тарасова, потребовав разбирательства. Куда, мол, делась валюта, отобранная у спортсменов?

Но как хорошо, что встречалось мне на жизненном пути немало и мудрых, достойных своих постов руководителей — гражданских и военных. И в их числе — председатель Спорткомитета той поры Николай Николаевич Романов. Пусть он чаще ругал меня, чем хвалил, но все его замечания были, безусловно, справедливыми и толковыми: они помогали расти, видеть за горизонтом горизонт. И еще. Он более других понимал, что без экспериментов, без риска в спорте невозможно создать что-либо новое. Тогда, на заседании коллегии, решительно отменил наговор, сказав, что, как ему

известно, излишки валюты руководителем делегации сданы в кассу Спорткомитета, а за эксперимент с дифференцированной оплатой и за итоги турне по Канаде Тарасову следует объявить благодарность. Так была поставлена точка в этом вопросе.

Мы привезли в Москву из Канады не только «победный багаж», но и массу впечатлений. В том ворохе фактов, наблюдений, данных, что мы собрали, следовало выделить главное. Любые впечатления и данные в спорте полезны, если ты, тренер, способен не только сделать из них выводы, но и воплотить в практику, в тренировочный процесс, заинтересовать новых игроков.

Хотя играли мы в Канаде против любителей, а матчи профессионалов лишь наблюдали с трибуны (а больше — по телевидению), все равно, вольно или невольно, мы сравнивали свое умение именно с действиями профессионалов. Тогда в НХЛ выступали шесть команд. Все они были гигантами хоккея, но наибольшее на нас впечатление произвел клуб «Монреаль Канадиенс». Мы присутствовали на матче этой команды с клубом «Торонто Мейпл Лифс». Сумели сделать кое-какие подсчеты. Например, длины маневра самых сильных форвардов и защитников, количества и качества передач, обводок, завершающих бросков, силовых единоборств в поле и у бортов.

Профессиональный хоккей — зрелище впечатляющее. Вспоминаю, как возвращались после матча пешком, не спеша, в отель по заснеженным улицам Монреаля и как задал я вопрос ребятам: «Ну как, мы можем сразиться с ними?» И ответа не получил.

Вопрос был, конечно, неправомерный, я бы даже сказал — бестактный. Игроки (а многие из них представляли собой цвет советского хоккея, были награждены золотыми медалями чемпионов мира, Олимпийских игр), отвечая на него, должны были бы признаться, что победить профессионалов они сегодня не смогут. Сказать так означало уронить свое спортивное достоинство, а ответить иначе — сфальшивить. Они выбрали третье — промолчали. Нужно было время, чтобы огромные впечатления, все пережитое во время матча улеглось.

Ведь каждый спортсмен смотрел хоккей не как зритель. Хотя мы и наблюдали за игрой с самых верхних рядов, с высоты птичьей-

го полета, каждый игрок видел себя там, внизу, на площадке, где сражались профессионалы, как бы представляя себя в их шкуре. И, конечно, не сразу сквозь призму увиденного можно было соотнести хоккей профессионалов и тот, в который играли мы. Не так-то просто даже мысленно «наложить» модель нашей игры на действие, увиденное в «Форуме». Лишь тщательно и придирчиво сопоставив все основные компоненты «двух хоккеев», можно было ответить на вопрос: имеем ли мы право на встречи с профессионалами? Тогда речь могла идти лишь о праве, а не о конкретной серии матчей.

Все же возвращались мы из Канады радостные. Встречали нас как триумфаторов не только в Москве. Летели мы домой через Стокгольм, и как-то по-особому тепло встречали нас обычно чуть суховатые шведы. Уже на аэродроме руководитель шведского хоккея Эклев, войдя в наш автобус, сказал, что вам, мол, русским, принадлежит достойное открытие «хоккейной Канады». В Швеции мы сыграли два матча, и, к нашему удивлению, оба выиграли. Силовая, страстная, порою жестокая силовая борьба там, в Канаде, закалила наших ребят. И они в свое удовольствие сыграли против расчетливых, корректных шведов.

Сегодня приходится слышать, что наши хоккеисты до встреч с канадскими профессионалами будто бы просто обязаны были обыгрывать любителей этой страны. Что любителей и корифеев профессионального хоккея разделяла якобы целая пропасть. Для того чтобы объективно разобраться, так ли это, я должен привести несколько цифр.

Шесть профессиональных команд в 1957 году по 25 игроков в каждой — это 150, ну, с ближайшим резервом, — до 200 хоккеистов. Сегодня в НХЛ 21 команда. Это более 500 хоккеистов, а с резервом не менее 600.

О чем говорят эти цифры? О том, что нам за океаном противостояли отнюдь не слабаки, а представители такого хоккейного слоя, из которого черпали свежие силы профессиональные клубы. Лучшие любители тех далеких лет были впоследствии призваны под их знамена. Многие из них составили костяк новых профессиональных клубов. Вспоминаю, например, команду Денверского

университета. В середине 60-х годов наша национальная сборная с большим трудом выиграла у нее матч, кажется, со счетом 2:1. Столь же сильными были и другие любительские клубы, выступавшие в розыгрыше Кубка Аллана. Не случайно они побеждали на многих чемпионатах мира.

Конечно, первое турне в Канаду потребовало и нашей оперативной тактической и психологической перестройки. Изведав, что такое страстный, жестокий хоккей, мы другими глазами взглянули на такие технические приемы, как обводка, завершающие броски, на розыгрыш стандартного положения — вбрасывания, на игру в неравных составах. Появилось немало и других проблем, например, воспитание с малых лет хоккеистов, не только богато технически оснащенных, по-хоккейному смысленных, но и физически крепких, удачных. Возникало немало тренерских споров по поводу того, каким быть нашему хоккею.

Вспоминаю, как Александр Новокрещёнов — государственный тренер Спорткомитета СССР, летавший с нами за океан, — призывал повременить встречаться с канадскими спортсменами до тех пор, пока мы не ликвидируем свое отставание в технике. А наши игроки в ту пору действительно заметно уступали канадцам в меткости, неожиданности бросков, в умелой, нацеленной на ворота обводке. Меньше, не так яростно, пользовались мы силовыми приемами и куда хуже их выполняли — и в поле, и особенно у бортов. В то время, правда, мы еще не осознали, что силовые столкновения в канадском хоккее, как правило, являются причинами драк на поле, что со временем это станет одной из главных наших проблем.

Так вот, мнение одного из ведущих наших специалистов было таково: повсеместно хоккеистам всех возрастов усердно совершенствовать технику. Догоним канадцев в технике — обыграем, не догоним, не воспитаем технарей — не стать нашему хоккею в один ряд с ведущими хоккейными державами, не говоря уже о соперничестве с заокеанскими хоккеистами.

Разрешите, читатель, вспомнив те годы, немного порассуждать.

Техника в любом виде спорта (тем более в таком сложном, как хоккей) очень весома. Если в футболе — «ножная» техника, в ба-

скетболе и волейболе — «ручная», то в хоккее — и «ножная», и «ручная». Руки сжимают рукоять длинной и не очень легкой клюшки, и спортсмен с ее помощью должен так управлять шайбой, чтобы она была ему послушна — скользила, летела в том направлении, куда хоккеисту угодно. Взгляните, как легко, виртуозно обращается с шайбой наш нападающий Владимир Крутов или, к примеру, канадец Пол Коффи. Нельзя не согласиться, что такое мастерство по меньшей мере сродни искусству циркового жонглера. Но артист цирка сам выбирает удобный для показа номера ритм, а хоккеист во время игры маневрирует по площадке на бешеной скорости, то и дело попадая в непредвиденную игровую обстановку, преодолевая сопротивление агрессивно настроенного соперника.

Хоккеист обязан быть не только ловким и быстрым, иметь сильные и умелые руки. У него должны быть умелые и «умные» ноги для скоростного маневра, устойчивости при столкновениях, для того, чтобы скрытно менять ритм и направленность скольжения, догнать соперника, вступить с ним в бескомпромиссное единоборство. А еще для того, чтобы подтолкнуть коньком шайбу к своей клюшке, остановить скользящую шайбу, выполнить на худой конец передачу. Не скажите, читатель, что ноги лишь волка кормят. Я бы сказал так: ловкие, быстрые, сильные руки и ноги плюс светлая голова — это уже большой хоккеист.

Пусть я чуть отвлекусь, но все равно эти рассуждения относятся к теме нашего разговора — о технике хоккея. Высокой техникой спортсмен овладевает не вдруг. Здесь нужно терпение, помноженное на время, усердие и упорство. Но нужны и минимальные условия — лед. А тогда, в конце 50-х годов, у нас, как назло, и зимы были скверные, с частыми оттепелями, а искусственные катки лишь начали строиться.

Мы, армейские хоккеисты, проводили тренировки на катке парка имени Ф. Э. Дзержинского в Москве. Этот первый каток с искусственным льдом был очень маленьким — прямоугольничек размером 10×12 метров. Как говорится, не разгонишься. Нашей команде выделили время с 12 ночи до 6 утра (ночная смена!). Тренировались маленькими группами в три-четыре смены. Играющий

тренер не покидал льда в течение всех этих шести часов. Иногда игроки не вписывались в виражи и вылетали за низкий бортик, падая на землю с полуметровой высоты, выполняя в полете замысловатые кульбиты.

Не помню, однако, ни единой жалобы. Спортсмены были удивительно жизнерадостны, тренировались весело, с аппетитом. Конечно, после занятий хотелось принять душ, отдохнуть. Но об этом мы и не мечтали. Рядом с катком стояла кадка с холодной водой — вот и весь сервис.

Даже в ночное время вокруг этого крохотного катка собирался народ. В короткие минуты отдыха хоккеисты отвечали на вопросы. А сегодня, к сожалению, многие наши тренеры, имея шикарные условия для занятий, закрывают двери для посетителей, с таким высокомерием относятся к встречам с любителями хоккея. Бывает, даже тренеры детских команд, равняясь на коллег, работающих со взрослыми командами, не допускают к катку родителей. От этого, полагаю, только урон хоккею. Кого отталкивает тренер? Своих союзников, помощников, друзей! Не понимает такой тренер, что, наблюдая тренировки, постигая хоккей, обсуждая с тренером общие проблемы, родители наверняка используют все это в домашнем воспитании.

Наши тренеры команд мастеров эту привычку переняли от канадских профессионалов. Там тренировки проходят, как правило, при закрытых дверях. Однако даже профессионалы, столь ревностно относящиеся к своему труду как некоему таинству, в последние годы уходят от этих традиций.

К примеру, осенью 1987 года Владислав Третьяк проводил показательный урок с вратарями команды «Ванкувер Кэнакс» на льду катка на острове Данкен, и за этой тренировкой наблюдали несколько сот зрителей. На одну из тренировок этой профессиональной команды также был приглашен зритель, более того — присутствующим раздали программки с самыми разнообразными сведениями о хоккеистах: из 63 игроков предстояло отобрать 25 наиболее достойных.

Два показательных урока с юношами в возрасте от 13 до 15 лет провел в Канаде и я: на трибунах катка собралось более полуты-

сячи зрителей. А вечером после этих занятий в зале местного кинотеатра состоялось собрание, во время которого и взрослыми, и детьми мне были заданы самые разные вопросы. Разговор был интересным и полезным для всех. Так стоит ли нашим тренерам придерживаться отжившей традиции, скрывая свою работу от любопытных глаз?

Многие мои коллеги скрытность свою поясняют так: у меня, мол, свои тренировочные упражнения, свой подход к занятиям, и я должен держать все это в секрете. Припоминаю, как один из таких вот кустарей-одиночек на протяжении нескольких лет часами просиживал на тренировках ЦСКА и буквально все записывал в блокнот. А я, будучи тренером армейской команды, гордился тем, что на занятия моей команды приходят люди, что коллеги проявляют к моей работе интерес. И мы, наставники, спортсмены, должны уметь это внимание и ценить, и беречь.

Что же касается секретности, от кого и что скрывать? От болельщиков, для которых и существует хоккей и кому ты обязан служить верой и правдой? От коллег, с кем призван совместно обогащать и развивать хоккей?!

КОММЕНТАРИЙ Ю. В. КОРОЛЕВА

ОБ ОТКРЫТЫХ ТРЕНИРОВКАХ ТАРАСОВА

Тренер похож на командира небольшого мобильного отряда, который в каждом новом матче сражается с таким же по численности противником. Верх берет тот, у кого лучше обучены бойцы и у кого припрятаны домашние заготовки, какие-то уловки, помогающие перехитрить своего визави. Эти заготовки тренеры предпочитают держать под замком — в строгом секрете. Что не должно удивлять, ведь арсенал тренерских приемов ведения матча, их количество и качество определяет в значительной степени то, какую силу будет представлять его команда в завтрашнем поединке.

Для подавляющего большинства наставников эта тема закрытая, она находится под грифом «секретно».

Поразительно, но факт, который я готов засвидетельствовать: Анатолий Тарасов никогда не скрывал свои нововведения — свои секреты, которые действительно дорогого стоили. И это при его честолюбии, азарте, привычке побеждать и абсолютном неприятии возможности проигрыша своей команды!

На чемпионате мира 1970 года в Швеции я получил от Анатолия Владимировича указание просмотреть тренировку чехословацкой сборной с тем, чтобы проанализировать ее и попытаться предугадать их тактический план на предстоящий с нашей сборной матч. Я пошел по прямому пути, обратившись в администрацию Ледового дворца: узнал время занятия и, взяв блокнот, отправился на трибуну, однако наткнулся на запертые повсюду двери. Оказалось, что тренерский штаб сборной ЧССР попросил организаторов турнира обеспечить условия для закрытой подготовки к матчу со сборной СССР.

Вернулся ни с чем в распоряжение нашей команды и доложил о закрытом «шламбауме». Тарасов был неумолим:

— Юрий Васильевич, ты уж извини, но это твои проблемы. Их тренировку обязан посмотреть! Остальное меня не касается.

Ну, делать нечего. Я кружным путем, по верхним этажам «Юханесхоф», петляя между какими-то трубами и кабинками телекомментаторов, ухитрился-таки попасть на трибуны и занять где-то в углу неприметное место. Задание я в итоге выполнил. Тарасов внимательно выслушал меня и поблагодарил. А я не выдержал и спросил с досадой и удивлением:

— Анатолий Владимирович, ну вот наши чешские друзья занимаются при закрытых дверях, а почему вы готовы всех пустить на свои тренировки?! Даже в пресс-релизах сообщается об открытых тренировках советской сборной.

— Пойми, все новое, все тренерские придумки живут один матч! После финальной сирены это становится доступным любому специалисту.

Тарасов в дуэте с Чернышевым не просто устраивал открытые тренировки сборной СССР, а любил видеть на трибуне заинтересованных специалистов. О занятиях в ЦСКА и говорить нечего. Артистичного по натуре Анатолия Владимировича это дополнительно воодушевляло, и тогда занятие превращалось уже в настоящий спектакль.

Но вернемся к разговору о технике. Говорится, и верно говорится, что она — душа таланта спортсмена! Без высокой технической оснащённости невозможно стать выдающимся, полезным своей команде игроком. Техника, ее уровень влияют и на стабильность результатов. На высоте исполнительское мастерство хоккеистов — высока и стабильность их игры. Не владеют спортсмены техникой в должной мере — играют с большими перепадами. Это все верно. Но в те годы после первых международных побед нам надо было добиваться успехов, наращивать обороты. Наш любитель спорта, загоревшись хоккеем, не хотел ждать, пока наши игроки подтянут техническую выучку.

Побед можно добиваться, используя и другие (тоже важные) компоненты игры, такие, к примеру, как тактика, физический и волевой заряд, игровая дисциплина — при условии, если сумма этих слагаемых достаточно высока. Можно играть на слабостях соперника. Да и сильного соперника можно сделать слабым, уязвимым, предлагая ему хоккей, для него неудобный, неприятный, как касторка.

Среди «изюминок» тренерской работы — творчество, изобретательность. Они выражаются не только в том, что тренер выдумывает для игроков новые тренировочные упражнения, постепенно обновляя и усложняя их. Но и расширяет амплуа хоккеиста, круг его основных обязанностей, по-новому komponует звенья с принятием контрмер при игре с равным по классу соперником. Тренер творческий, смелый способен подчас побеждать своей командой

и куда более сильного соперника. Вот почему в каждом хоккейном сражении существует еще и скрытый интерес.

Наши победы над канадскими хоккеистами в первые годы встреч с ними зиждились главным образом на отличной физической подготовке. А если говорить конкретней — на сочетании скоростного маневра и умения в условиях, когда наших игроков на поле как бы больше, играть свободно, применяя быстротечный пас. Понадобились долгие и неприятные для канадских хоккеистов годы, прежде чем они тактически и психологически перестроились. К своему превосходству в индивидуальном мастерстве, в умении массивно применять силовое давление, целеустремленно, индивидуально ярко поражать ворота соперники добавили тактическую расчетливость.

Их победы в розыгрыше Кубка Канады, в турнире на приз «Известий» 1987 года, успех их молодежной команды на чемпионате мира 4 января 1988 года, говорят о зрелости тренерских решений. Пусть у всех этих турниров и матчей были разные сюжеты, но общим было вот что: плотная, эшелонированная оборона канадцев лишала наших хоккеистов свободы скоростного маневра, а скученность на ограниченном пространстве игроков не позволяла атакующим пустить в ход такое сильное средство, каким является у нас разноплановый пас. Индивидуальная же игра в позиционной манере, где обороняющимся всегда проще разрушать, где несложно наладить взаимостраховку, выглядела малоэффективной. Канадцы сумели лишить советских игроков привычной тактики, не позволили им сполна проявить свои сильные качества, сыгранность звеньев.

Конечно, в любом матче равных по классу соперников слово может взять его величество случай. Команда побеждает, хотя и не имеет ни игрового, ни территориального превосходства. Сыграл, скажем, слабо вратарь, слишком много команда действовала в численном меньшинстве, вяло был начат матч. Эти и другие подобные мотивы обычно называют тренеры в качестве основных причин неудачи на послематчевых пресс-конференциях.

Конечно, для настоящего специалиста эти доводы малоубедительны, хотя и есть в них доля истины. Истоки поражения сво-

ей команды тренеру надо начинать с раздумий о причине сильных действий соперника. Ведь именно это главным образом не позволило его команде сполна проявить себя, выполнить намеченный тактический план. А уж если тренер говорит о слабой игре своих подопечных, то не имеет права утаивать и собственные просчеты. В определении состава, в организации тренировочного процесса, в психологической подготовке команды к матчу.

Начало поединка. Наша молодежная команда, выступая в Москве, проиграла канадским сверстникам первый период со счетом 0:2. Почему? Лишь потому, что не была правильно сориентирована на игру с места в карьер, на высокий темп с первых минут, на захват инициативы. Кто в этом виноват? Игроки? Ничего подобного. За состояние команды, настрой каждого хоккеиста на игру в ответе только тренер.

В Канаде и США были удивлены нашим катанием — быстрым, непринужденным, без натуги, — таким красивым, если смотреть со стороны, катанием. Последнее тоже важно — игра же ведется для зрителя. Если движения спортсменов эстетичны — это ласкает глаз. Техникой бега на коньках и с малых лет, и позже, будучи взрослыми, мы никогда не занимались. А вот накатывали за зиму огромный километраж.

Сейчас созданы трактаты специалистов по различным видам спорта о многоразовых тренировках. Они интересны и полезны. Но начало таких тренировок было положено нами, мальчишками двадцатых-тридцатых годов. Зимой на больших переменах в школе мы постоянно играли в хоккей на двое ворот. А после занятий шли на каток общего пользования. От школы до дому не шли — бежали. Или, быстро прикрутив коньки к валенкам, скользили по обледенелым мостовым. Подсчитать бы, сколько же мы проводили на льду времени! Наверное, не менее шести-семи часов в день. Во всяком случае, на катках, на замерзших прудах катались допоздна. Сами не уходили. Нас прогоняли дворники или уводили за руку потерявшие терпение родители.

Вечерами на катках мы не катались — летали по льду, подчас нарушая общее направление движения массы катающихся. Пугали девушек, и не только пугали, но подчас, проявляя свой боевой

характер и прекрасное владение коньками, использовали эти достоинства для знакомства. Прием применялся самый простой и, как правило, беспроблемный. Кто-либо из друзей будто бы случайно подталкивал девушку, и, когда она уже полагала, что падение неизбежно, один из нас тут же подхватывал ее и увозил, сажая на скамейку, в сторону. Кто из девчат в такой ситуации отказывался завязать знакомство со своим «спасителем»!

Вернувшись из Канады осенью 1957 года (и позже), мы, тренеры, сравнивая советский хоккей с канадским, готовились к новым матчам с заокеанскими соперниками. Размышляли о том, как снизить боевой потенциал противника, как тактически лишить его привычной игры.

Может, усилить скоростной маневр игроков по всей площадке с тем, чтобы в единицу времени они пробегали куда больший путь? Тогда на участке, где разыгрывается шайба, наших игроков будет поболее. А это немалый плюс — инициатива опять за нами. Чаще владея шайбой, наши хоккеисты будут иметь возможность обыграть соперника, а за счет быстрого и точного паса атаковать его ворота. Да и в обороне лишний игрок не помеха. Это позволит наладить взаимостраховку, спаренный отбор, усложнить действия индивидуально сильных канадских спортсменов.

Итак, усилив скоростной маневр, мы ставим сопернику дополнительные рогатки, создаем трудности. В этой связи вспоминаю интересный разговор, состоявшийся у меня с бывшим президентом Международной лиги хоккея англичанином Джоном Ахерном. Это был веселый, остроумный человек. «Что это ваши игроки на реактивной скорости носятся по льду? Лучше бы занялись техникой, подтянули ее, а то команда ваша чемпионом становится, а мы и не знаем, кого из хоккеистов называть лучшим».

Действительно, несколько лет подряд мы с Аркадием Чернышевым по итогам мировых первенств сами предлагали кандидатов на звание лучших в своем амплу хоккеистов. Но тогда я ему ответил: «Господин Ахерн, как жаль, что вы в зоопарке слонов-то и не разглядели!» Этим я намекал на разницу во вкусах.

Меняются взгляды на хоккей, происходит в хоккейном мире переоценка ценностей. Но тогда многие не хотели замечать силь-

ных сторон нашего хоккея. Хихикали, наблюдая наши тренировки, наши матчи, не только канадцы. Им вторили авторитеты из других стран.

Что касается боссов канадского хоккея, то они долгие годы выдерживали свою гордыню. Любительские команды проигрывали на официальных соревнованиях, чемпионатах мира, Олимпийских играх не только нам, но и чехословацкой сборной. И воспринимали это за океаном как-то уж больно спокойно, не предпринимая никаких серьезных мер для усиления игры своих команд. Долгие годы не менялся их игровой стиль — никто не желал использовать тактическое разнообразие европейского хоккея, прогрессивные тенденции в учебно-тренировочном процессе.

ВЫЗОВ ПРОФЕССИОНАЛАМ

Мы понимали: у них надежный щит — профессиональный хоккей, слава которому пропета в толстенных справочниках, книгах, мемуарах. Неприступность и величие канадского хоккея постепенно внушались широко поставленной и квалифицированной информацией по радио и телевидению. Неудивительно, что поражения канадских команд в различного рода международных соревнованиях нисколько не влияли на интерес к хоккею в самой Канаде. Зритель по-прежнему охотно заполнял вместительные и великолепные спортивные дворцы — канадские боссы умело оберегали авторитет своего хоккея.

В те далекие годы меня удивил такой вот случай. Знаменитый шведский хоккеист Свен «Тумба» Юханссон, в расцвете своего спортивного дарования, проходил стажировку в Канаде. Было это в середине 60-х годов. И вдруг был забракован. Не подошел в основной состав ни в один клуб НХЛ. Это лучший-то форвард Европы! Кумир публики, в действиях которого гармонично сочетались легкость при исполнении скоростного маневра с целым каскадом технических приемов. Он умел в любое мгновение дать партнеру скрытый пас, уверенно обвести защитника, точно выстрелить по цели.